

ИВАН ПЕТРОВ

Балашихинское шоссе

Иван Петров

Балашихинское шоссе

«Издательские решения»

Петров И.

Балашихинское шоссе / И. Петров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903071-9

80-е годы. Подмосковье. Володя и Тамара — люди разного сорта. Он — простой водитель самосвала. Однажды спасая от беды незнакомых девушек, он перешел дорогу матерым бандитам. Но они подобного не прощают. Тамара же ведет распутную и беззаботную жизнь. Когда ее муж Роман — спекулянт и карточный игрок в очередной раз исчез и оставил ей свои долги, она понимает, что для нее начались большие неприятности. Володя и Тамара — звенья в цепи одной истории. Что ждет их за следующим поворотом судьбы?

ISBN 978-5-44-903071-9

© Петров И.
© Издательские решения

Содержание

Чужая беда	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	35
Глава 9	41
Свёрток	46
Глава 10	46
Глава 11	53
Глава 12	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Балашихинское шоссе

Иван Петров

© Иван Петров, 2018

ISBN 978-5-4490-3071-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чужая беда

Глава 1

Поздним пасмурным вечером, когда уже давно стемнело, и лишь редкие фонари освещали просёлочную дорогу, по ней, обходя и перепрыгивая лужи, торопливо шёл молодой человек лет двадцати двух – двадцати пяти. Дождь только закончился, и в воздухе пахло свежестью. Мокрая листва на деревьях время от времени шумела от дуновения ветра. Шум ослабевал, переходя в шелест, и вскоре затихал вовсе. Слышно было, как капает с деревьев вода, и ещё шаги незнакомца какое-то время нарушали тишину.

В темноте нельзя было разглядеть этого человека, и даже когда он выходил под свет фонаря, тень от козырька натянутой на лоб кепки закрывала его лицо, кроме подбородка. Одет он был в потёртую кожаную шоферскую куртку, тёмные брюки и туфли, которые он старался не испачкать в грязи.

Несмотря на то, что улица казалась пустынной и безлюдной, район этот считался небезопасным для запоздалых прохожих, которые могли здесь (правда это или нет?) подвергнуться грабежу со стороны местной шпаны и загулявших хулиганов. Молодой человек шёл, засунув руки в карманы куртки и немного съёжившись от прохладного ветра. Вскоре он свернул с дороги по направлению к домам, стоящим неподалёку за деревьями. Они были заметны лишь благодаря слабому свету в отдельных окнах.

Один из них, казалось, стоял немного особняком. Небольшое пространство перед ним освещал фонарь. Крыша дома тёмным контуром возвышалась над деревьями. Это был старый трёхэтажный дом постройки ещё 40-х годов с высокими потолками. На его стенах уже кое-где осыпалась штукатурка, и снаружи была видна местами осыпающаяся от ветра и дождей кирпичная кладка. Большая печная труба с вделанными в неё снаружи пожарными скобами тянулась от самой земли и, словно, старинный шпиль возвышалась над крышей. Единственный подъезд, освещённый фонарём, обрамлялся сводчатой аркой с поблекшей краской под цвет кирпича.

Именно сюда и вошёл молодой человек. Поднявшись на третий этаж, он открыл ключом дверь коммунальной квартиры и попал в просторный коридор. Под потолком, подвешенная на проводе, горела лампочка. Слева, почти у входной двери стоял старый двухстворчатый шкаф, у которого вместо одной отломанной ножки был подложен камень. За стенкой слева послышался детский плач и голос соседки, убаюкивающей ребёнка. Молодой человек открыл правую дверь. Тотчас в нос ударил запах перегара. Не зажигая свет, вошедший привычным движением снял кепку и наощупь повесил её на гвоздь. Затем снял куртку и туфли, и лёг на кровать у стены.

Чиркнула спичка и на несколько секунд осветила его лицо, пока он закуривал сигарету. Оно было худощавым и немного вытянутым, что подчёркивал несколько удлинённый тонкий нос с едва заметной переносицей. Глубоко посаженные серые глаза под густыми чёрными бровями были сощурены. Линия рта и резко очерченный подбородок придавали лицу выражение решимости и твёрдости. Спичка погасла, и вскоре на полосе света, падающего из окна от фонаря снаружи, показались поднимающиеся вверх колечки дыма.

Его звали Владимир Ревень. Краткая биография этого человека не изобиловала яркими событиями, она была вполне заурядной для простого обывателя. Впрочем, многие молодые люди его возраста не могли похвастать ничем особенным. Большинство из них работало, кто-то работал и учился, а кто-то уже успел обзавестись семьёй. Ревень принадлежал к большинству. Но здесь следует сделать небольшую оговорку. Он жил в районе, который не зря счи-

тался небезопасным для прохожих. Этот район, а точнее, улица была тупиковой, и чужие здесь появлялись редко. Но не изолированность места служила тому причиной, а дурная слава местных бандитов разных мастей и возрастов, многие из которых имели за плечами криминальный и тюремный опыт.

Подмосковье начала восьмидесятых зачастую имело вид небольших провинциальных городов, окружённых близлежащими деревнями, а подчас и вмещающих в себя целые районы из частных дворов, огороженных частоколом, заросших деревьями и кустарником, с обычными сельскими домами. Невысокие строения, отсутствие суеты и спокойный размеренный темп жизни – одни из нескольких отличительных черт городов и посёлков в провинции.

В таком городке родился и вырос Володя. По образованию он был токарем, но работал какое-то время слесарем в автоколонне, пока не получил машину и не стал шофёром на самосвале. Два года назад он вернулся из армии. Вместе с родителями он занимал комнату в коммунальной квартире, но вскоре рассчитывал на выделение отдельной жилплощади по ходатайству от места работы. Однако год назад умерла его мать, и поскольку теперь они только вдвоём с отцом занимали комнату, его ходатайство отодвинулось на неопределённый срок. Отец после смерти матери стал сильно пить, но Володя его в этом не винил.

У Володи был старый закадычный друг Сёма Фомин по прозвищу «Фома». Он был из семьи заядлых алкоголиков. Фома ещё со школы слыл задирой и хулиганом. Ему всегда нравилось нагонять страху на салаг просто так, чтоб боялись. Он также весьма гордился тем, что он – «зелёновский» (по названию улицы «Зелёная», где они жили) и с уважением относился к местным «авторитетам». Если ему вдруг случалось встретить кого-нибудь из них, на короткое время вернувшихся из тюрьмы, то он всегда старался заговорить с ними и показать себя «своим» парнем. Несмотря на то, что они, в свою очередь, лишь иногда снисходительно слушали его болтовню, кивая и подшучивая над ним, он потом уже твердил, что едва ли не завёл с ними дружбу. Конечно, он понимал, что его не принимают всерьёз, и это его бесило. Наверное, всё дело было в его характере. Фома хоть и слыл заводным и буйным, сам не был ни злобив, ни жесток.

Ревень не искал встреч с бывшими зэками¹ и не встречал их. Его занимали мысли о заработке. Он надеялся через некоторое время пересечь с ЗиЛа на МАЗ и гонять «фуры» по стране. Ещё со школы его воображение притягивали неведомые дали и скрытые опасности. Но чтобы стать моряком или лётчиком, нужно было учиться. Володя был не самый лучший ученик, к тому же небесная высь и морские просторы не манили его. Мечты Володи носили приземлённый характер и были для него осуществимы. Он представлял себе, как, вернувшись из дальнего похода, усталый и переполненный впечатлениями от увиденного в разных краях, он будет рассказывать давно не видевшим его подружкам о своих приключениях. Однако, общаясь с дальнобойщиками из их автоколонны, он узнал, что работа эта, как и многие другие, связана с разного рода повседневными трудностями и опасностями. Конечно, они побывали во многих местах, повидали столько интересного, но эйфория романтики очень быстро исчезает, уступая место привычке. Езда в течение долгих часов по жаре под монотонный гул двигателя, когда постоянно клонит в сон, далека от романтики и, особенно, когда в зимнюю стужу ночью вдали от населенных пунктов пытаешься найти и устранить, если это возможно, какую-нибудь неисправность. Тем не менее, всё это не пугало Володю. Он думал, что со временем, когда такая работа ему надоест, можно будет и уволиться, осесть на месте, жениться и получить в будущем квартиру.

Однако эти перспективы, а точнее, их привлекательность для Володи носили временный характер. Бывает так, что ещё и не получив желаемого, мы уже остываем и теряем к нему интерес. Возможно, это касается тех случаев, когда желаемое не было уж столь желанным

¹ «ЗеКа», ЗК – сокращенно от «Заклѳчѳнный». Так называли узников тюрем и лагерей в СССР.

и не носило характер твёрдо намеченной цели. Наверное, подобные перемены не относятся к людям, одержимым какими-либо идеями и устремлениями. Впрочем, бывает по-разному. А в жизни Володи просто произошли некоторые события, но об этом чуть позже.

Сёма Фомин по характеру был почти противоположностью Ревеню, но уважал его именно за те присущие ему качества, которыми по его понятию, должны обладать все «блатные». Вообще Фома считал себя человеком, живущим «по понятиям». Сам он нигде долго не работал, считая в глубине души ниже своего достоинства заниматься тем, чем ему приходилось. Специальности у него не было. Пойдёт к какому-нибудь мастеру учеником, а через неделю его уже выгоняют. «А что я у него, как на побегушках?» – говорил Сёма, – «Принеси то, подай это – пацана что ль нашёл!» Взяли его дворником, благо для этого умения особого не надо. Но и тут он долго не задержался. Видать, выиграло уязвлённое самолюбие: «Да что я, нанимался всякое гавно за всеми убирать?»

Неизвестно каким образом, но взяли его снова на работу в домоуправление, теперь уже сантехником. Забавно, но первое время это назначение прибавило ему важности. Какая-то старуха однажды окликнула его:

– Семён, а, Семён! Ты почему двор не подметаешь? Смотри, какая грязь и мусора сколько! Вот лентяй! Смотри, я на тебя пожалуюсь!

– Жалуйся, бабка. Я теперь сантехник! Сами за собой гавно убирайте!

– Сантехник!? Гляди-ка! А у меня как раз кран течёт, поди-ка, почини!

– Заявку в ЖЭК пишите! – огрызнулся он в ответ.

Но вскоре ему пришлось пойти по вызову, правда, в другую квартиру. И то хорошо было для него, что не к этой бабке, идти к которой после той перебранки он бы ни за что не согласился. Однако он не мог знать, как ей при этом повезло.

Фома долго тянул время, рассчитывая не застать хозяев дома, но его надежды не оправдались. Его пригласили в туалет. Там стоял запах сырости. Вода постоянно небольшим потоком стекала в унитаз, порывевший от ржавчины. Пол тоже заливало, но, похоже, из разных мест. Это сейчас было его место работы – сортир. Фома брезгливо поморщился. Но делать нечего – надо так надо. Он досадливо покачал головой.

– Да у вас тут всё менять надо! – сердито воскликнул он, обернувшись к столпившимся за спиной и наблюдавшим за ним жителям и их соседям, как будто это высказывание избавляло его от работы.

– А вы можете поменять? – жалобно-просящим тоненьким голоском спросила маленького роста хозяйка.

– Нужен новый сливной бачок, это и так понятно, – с небрежно-деловым видом заявил Фома. – И шланг у вас течёт! Тут заменой одной прокладки не обойдёшься!

– Может быть, вы хотя бы перекроете пока воду, а то мы боимся залить соседей внизу, всё время тазик подставляем.

Сантехник нахмурился и, глядя на унитаз, почесал затылок. Вначале он попытался заклеить шланг, найденной в кармане изолентой, но вскоре убедился в бесполезности своих стараний, так как она не приклеивалась к его мокрой оплётке. К тому же течь шла ещё и из-под сливного бачка. Наконец, хозяйка робко указала ему на вентиль крана внизу на трубе, который надо было повернуть.

– Знаю – знаю, – недовольно отозвался Сёма.

Попытавшись повернуть кран, он обнаружил, что без подручных средств этого сделать нельзя, поскольку тот сильно приржавел. Долго мучился Сёма, пробовал так и эдак, применяя в качестве рычага гаечный ключ. Рассердившись, он потребовал у хозяйки молоток и стал долбить им по злополучному крану. Размахиваясь, он, кажется, порвал шланг, из которого под сильным напором хлынула струя воды прямо ему в лицо. Конец шланга под давлением метался во все стороны, разбрызгивая воду, как сдувающийся воздушный шарик по комнате, пока его

не удалось поймать. Сантехник весь мокрый, стоя в луже воды, стоял, заткнув шланг пальцем, пока кто-то из соседей не перекрыл весь стояк в подвале.

Глава 2

Володе снился приятный сон. Он видел девушку, которую иногда встречал по дороге на работу в автобусе. Он обычно садился на остановке у текстильной фабрики, но девушка садилась раньше и выходила позже него, поэтому он, к своему сожалению, не знал, откуда и куда она ездит. Познакомиться с ней в присутствии находящихся в автобусе многочисленных пассажиров он не решался. К тому же серьёзное, даже немного строгое выражение её милого лица несколько охлаждало пыл. Казалось, что эти большие прекрасные чёрные глаза при первом же намёке на знакомство посмотрят так выразительно осуждающе из-под своих густых длинных ресниц, что заставят любого смельчака устыдиться и придерживаться приличий в общественном транспорте. Впрочем, возможно, это было действительно кажущееся впечатление. Он никогда не видел её улыбающейся, но сейчас, во сне она улыбалась ему, и от этого становилось на душе легко и свободно.

Утром прошёл дождь, но настроение было прекрасное. Володя оделся и вышел на улицу. Воздух был чистым, свежим, насыщенным влагой и запахом зелени. Сегодня, однако, он не встретил в автобусе эту девушку, и вообще он не видел её уже несколько дней.

После обеда мужики отправили своего «гонца» к вино-водочному магазину, чтоб занял очередь, поскольку сегодня была суббота – короткий день. Возле магазина уже столпился народ, причём, никакого подобия очереди не наблюдалось, а стояла именно толпа, плотность которой по мере приближения к заветным дверям возрастала до максимума. Отыскать здесь крайнего не представлялось возможным. Никто не хотел себя таковым признавать, да и сама попытка такого поиска казалась просто смешной. Поэтому обычно нужно было отыскать тут какого-нибудь своего знакомого или, на худой конец, если его не оказывалось, встать незаметно рядышком и при открытии магазина, когда народ с шумом, толкаясь, хлынет в узкий проход, поглубже втиснуться в гущу толпы, которая занесёт если и не в середину, то хотя бы внутрь помещения. После такого вторжения часть людей всё ещё оставалась на улице, образуя кучку возле дверей уже гораздо меньшего размера и мешая выходить счастливым обладателям приобретённого спиртного, которые вынуждены буквально пробивать себе дорогу к выходу.

Надо сказать, что наглецов здесь не любят – можно и по морде получить. Но люди опытные знают, что до открытия нужно вести себя скромно и не выделяться. А вот когда запускают, не зевать и проворно работать локтями, чтобы потом, сделав именно наглухо бесстыжую физиономию, с видом спокойной уверенности в том, что вы по праву занимаете свое место, оказаться там, где и духу вашего не должно быть. Это удаётся далеко не каждому и не всегда. Но если хотя бы не пытаться этого делать, то вы рискуете стать человеком, которого всё время будут отпихивать, и вам ничего никогда не достанется. Очень смахивает на закон джунглей. К сожалению, раньше с этим часто можно было столкнуться и в билетных кассах, и на транспорте, и при покупке любого дефицита.

Собравшись в маленькие и большие группы, собутыльники разбредались по углам и кустам, рассаживались на берегу у речки или попросту за столиком во дворе перед домом.

Володя шёл с работы вместе с остальными ребятами. У всех было приподнятое настроение, связанное отчасти с предстоящей выпивкой и завтрашним выходным. Лёня Мезенцев, парень чуть постарше Володи, работал водителем автокрана. Он был человеком весёлым и задорным, душа любой компании. Сейчас они вместе с ещё двумя товарищами Серёгой и Пашкой собирались поехать к нему в деревню Никольское, где у Лёньки был дом, и попариться в баньке.

Деревня находилась прямо за городом на берегу реки. Узкое шоссе, извиваясь, шло к ней через овраг по невспаханному полю, раскинувшемуся далеко вокруг, и исчезало меж дворов,

скрытых под сенью деревьев и кустов. Над кронами этих деревьев вдалеке возвышались купола церкви.

Автобус притормозил у остановки. Знакомый, ни с чем не сравнимый гул двигателя ЛиАЗ², сбавляя обороты до холостых, издавал какой-то клокочущий звук: «Блым-блым-блым», словно при вращении что-то постоянно стучало. Автобус походил на старого запыхавшегося пса, который остановился, чтобы отдышаться. Складывающиеся двери открылись, затем захлопнулись с таким характерным щёлканьем. Затем «пёс», набирая обороты, с нарастающим рокотом, напомиавшим затянувшееся мычание коровы, тронулся с места и неторопливо поехал дальше.

Весёлая компания направилась по тропинке вдоль шоссе, отделённой от него неглубоким кюветом. По обе стороны от дороги тянулись длинные ряды частокола. У Лёньки оказался довольно уютный дворик со старой избой. Банька стояла чуть поодаль, из её трубы уже поднимался дымок – пожилой сосед по просьбе Мезенцева растапливал к вечеру печь. Под навесом у пристройки, где хранились поленья, стояла лёнькина гордость – мотоцикл «Урал» с коляской. Парни уселись на лавки за деревянным столиком под яблонями. Достали бутылку портвейна и разлили по стаканам. Вечер выдался тёплый, даже жаркий в отличие от пасмурного утра.

Лёнька умел шутить сходу, экспромтом. Это получалось у него само собой и довольно здорово. Остальные лишь подыгрывали ему, что называется, подливали масла в огонь, и он распялялся ещё больше. У него, надо признать, был дар юмориста. В обычных мелочах, которые встречаются на каждом шагу и кажутся незаметными и повседневными, он умел подмечать и обращать внимание других на их забавные стороны. К примеру, за забором по тропинке вдоль шоссе проехал мальчишка на велосипеде с девчонкой на багажнике на заднем колесе. Никто бы не обратил на это внимание, если бы Лёнька просто не посмотрел на них пристально. Тут и остальные заметили, что белобрысый мальчуган в шортиках и майке, весьма худенький, так и привстаёт, с усилием нажимая на педали, на своём «взрослике»³, который был для него великоват. А девчонка, сидевшая на багажнике, свесив ноги, была толстая и розовощёкая, к тому же явно постарше своего друга. Она ела баранки и, выпучив большие круглые глаза, будто увидела чудо, с отрешённым видом смотрела прямо перед собой. Представляла ли она в этот момент себя в белом платье в крупный красный горошек, которое было на манекене в витрине универмага, или она просто мечтала о пирожных, но выглядела так, что вызвала однозначную реакцию у всех наблюдавших эту картину парней.

– Хороша подружка, – воскликнул Лёнька. – Пацан, видать, по себе невесту-то выбирал! Зато в брачную ночь не заблудится, жену в постели не придётся долго искать.

Послышался металлический лязг. Все, как по команде, бросились к забору. Невдалеке, напротив соседнего двора мальчуган наехал на кочку и не удержал велосипед. Девчонка в своих грёзах забыла о равновесии и, как мешок, грохнулась на землю. Только после падения она, похоже, поняла, что случилось. Баранки рассыпались по ней и на траве. Она даже не закричала, а взвыла глухим низким басом, с трудом пытаясь встать.

Возвращаясь к столу, все покатывались от смеха. А Серёга Дорофеев, тоже довольно тучный и склонный к полноте парень хохотал громче остальных. Его громовое «У-га-га!» было слышно далеко на улице. Причём в этом гоготе согласный звук издавался, как нечто среднее между «г» и «х». Он очень похож на тот, что в украинском языке произносится в слове «гарный». Кстати, «гарный парубок» – классный парень. В богатом и могучем русском языке для этого звука буквы нет. И это несправедливо, тогда как для мягкого и твёрдого знаков и даже для «Й» есть буквенные символы! Впрочем, такое досадное недоразумение неудобно лишь для

² ЛиАЗ – имеется в виду распространенный в то время ЛиАЗ-677 – советский и российский городской высокопольный автобус производства Ликинского автобусного завода.

³ «Взрослик» – так называли простой рамный велосипед типа «Урал». Для детей и подростков он был большим и тяжелым. Но они катались и на таких, просовывая одну ногу между рамами.

литераторов, вынужденных пользоваться различными сравнениями и аналогиями для его описания. А для нас, простых людей, это не является препятствием. Кто как хочет, так и хохочет.

Лёнька и его гости уже успели сходить по разу в парилку, и перед следующим заходом перекидывались в карты. Хмель уже ударил им в голову, приятно взбудоражил чувства и привёл их в соответствующий тонус. Поэтому, когда они услышали звуки гитары и девичий смех, то сразу же прервали игру. По дороге шла компания ребят с девушками. Некоторые из них оказались знакомыми Лёньки, и после взаимных криков приветствия, все они гурьбой завалялись к нему во двор. Их было пять человек: два парня и три подруги. Две девушки приходились друг другу сёстрами, а их знакомые, парень с девушкой – и вовсе были близнецами. Было интересно наблюдать их сходство, которое не портило ни девичью красоту одного, ни приятного обаяния другого.

Оставшийся портвейн разлили на всех, и выпили за встречу. Лёнька уже завладел гитарой и что-то наигрывал. Сёстры попросили своих знакомых, спеть. Те начали было отнекиваться, но после недолгих уговоров согласились. Смущённо улыбаясь, они переглянулись. Гитара снова перекочевала в руки хозяина и зазвучала спокойным неторопливым перебором. Вначале запела девушка, голосом удивительно красивым, высоким и ровным, на следующий куплет её сменил брат, его голос был ниже и мягче, а припев они исполняли вместе. Эту песню никто из присутствующих никогда не слышал. В ней говорилось о робкой застенчивой любви девушки, которая сравнивалась с диким прекрасным цветком, распустившимся на берегу таёжной речки, к молодому парню, чья красота и сила были подобны могучему дубу. Когда пришли чужеземные орды завоевателей, он встал на защиту родного края, и множество врагов полегло на поле брани, но и сам он погиб в бою. На том месте, как водится, вырос могучий дуб. Слёзы девушки, оплакивающей возлюбленного, слились в таёжную речку, по берегам которой растут и поныне дикие прекрасные цветы во имя бессмертия любви.

Песня, несмотря на грустный конец, всем очень понравилась и тронула за душу. Серёга Дорофеев так расчувствовался, что едва не плакал. Ребята знали и другие песни, в основном такие, что поют в походах, на привале у костра. Но чтобы развеселить остальных они спели всем известную композицию из мультика: «Собака бывает кусачей только от жизни собачей...»⁴

Уже стемнело. Парень, который пришёл вместе с девушками, сильно запьянел, икал и что-то мычал себе под нос. Они толкали его в бок: «Чего ты? Напился и сиди себе смирно!», а сами тихо хихикали. Серёга пошёл проверить баню, хотя мыться уже никто не собирался. Лёнька с другим товарищем Пашей крутился возле своего мотоцикла. Володя с сигаретой во рту попросил гитару и попробовал пальцами струны.

– Ну, сбацай⁵ чё-нить, – осовевшим взглядом посмотрел на него пьяный и икнул. Девчонки снова стали толкать его.

Володя сказал, что в его репертуаре только «блатные» песни.

– А нам... – начал было тот и, не сумев договорить, выразительно замотал головой, что означало полную лояльность публики, по крайней мере, в его лице.

Володя, не желая резать слух прекрасной половины криминальным жаргоном, вспомнил одну из песен Высоцкого, которую разучивал когда-то и начал: «Час зачатъя я помню не точно...»⁶.

К концу песни захмелевший паренёк уже дремал и был не в силах удержаться на стуле. Как оказалось, он ещё до этого выпил несколько кружек пива.

⁴ Песня Сергея и Татьяны Никитиных «Большой секрет для маленькой компании» из одноименного мультфильма 1979 г.

⁵ «Сбацай» – сыграй.

⁶ «Баллада о детстве», автобиографическая песня Владимира Высоцкого, написанная в 1975 году для спектакля «Уходя, оглянись» Эдуарда Володарского.

– Ладно, – сказал Лёнька. – Я отвезу его сейчас домой.

– Не надо, Лёнь, мы сами его проводим, – уверенно заявили сёстры. – Здесь недалеко. Ты лучше довези наших «музыкантов». Им в соседнюю деревню.

Пока Мезенцев заводил свой мотоцикл, к нему подошёл Володя:

– Слушай, может, отвезём эту парочку и покатаемся – девчонок поищем?

– Неплохо бы, только у нас выпивка закончилась, – сказал тот с досадой, но озорной огонёк тотчас снова загорелся в его глазах. – Ничего, что-нибудь придумаем. Чтоб я в этой деревне не нашёл нигде «барматухи»⁷?! Ещё не было такого!

Девушки-сёстры вывели своего друга на улицу, поддерживая с обеих сторон под руки. Он то и дело норовил упасть и останавливался. Они подбадривали его, заставляя идти вперёд. Когда его заносило, то он тащил за собой и их, но каждый раз им удавалось удержать равновесие. Видя мучения своих провожатых, он жалобно завопил: «Бросьте меня здесь!»

Лёнька завёл мотоцикл, Володя сел сзади него, а близнецы устроились в коляске. Выезжая на дорогу, Мезенцев притормозил у ворот, и обратился к своим оставшимся товарищам:

– Вы бы помогли девчонкам дотащить бедолагу. Они сейчас его сплавят, а там вам, глядишь, и карты в руки. Чего ворон-то ловите?!

Те заухмылялись. Дорофеев сказал, что останется присмотреть за домом, а Пашка махнул рукой и пошёл догонять девушек. Едва он к ним присоединился, пьяный парень заголосил песню.

Наступившая ночь покрыла мраком всё вокруг, лишь очертания деревьев ещё были различимы на чуть более светлом фоне сумрачного неба. Кое-где горели огоньки в окнах деревенских домов, словно глаза проснувшейся совы. Свет фары мотоцикла вырывал из темноты узкий участок дороги.

Из-за рокота мотора не было слышно приближающихся голосов. Только когда в полосу света неожиданно попали люди, Лёнька дал по тормозам. Те, видимо, отбежали в стороны, и мотоцикл проскочил мимо. Раздался свист. Мезенцев остановился. Тотчас их с шумом обступила большая компания. Всех нельзя было разглядеть во мраке. Тут стояли и парни, и девочки. Лёнька поздоровался с несколькими из них, оказавшимися его знакомыми. В этот момент кто-то хлопнул сзади Володю по плечу.

⁷ «Бормотуха» – дешевое крепленое (15—22 гр.) плодово-ягодное вино.

Глава 3

– Привет, Рева! – раздался голос Фомы.

Володя обернулся. Рева – это было его прозвище ещё со школы. Оно не всегда ему нравилось, поскольку вначале ребята передразнивали так его фамилию, и он частенько дрался из-за этого. Но, как и случается, оно прилипло к нему, и уже спустя годы, когда он привык и перестал обращать внимание, эта кличка произносилась в кругу даже малознакомых ребят с уважением. К тому же даже девчонки, которые бывали в их компании, называли его так без обидного намёка и умысла.

– О, привет! – Володя слез с мотоцикла и пожал руку приятелю. – Ты чего здесь?

– Гуляю, – с усмешкой кивнул тот, вальяжно склонив голову чуть в бок.

– Я тоже. А что за ребята с тобой?

– Это свои, местные, – Фома тоже был немного под градусом, и от него несло не то пивом, не то вином, а может, и тем и другим вместе.

– Слушай, – сказал он, вдруг оживившись, – Я тут чуток подколымил⁸. Но меня чуть менты не замели. Ну, умора!

Он усмехнулся.

– А что такое? – спросил Володя.

– Блин, Рева, я чуть не попался! – начал Фома, понизив голос, – И всё из-за одного придурка!

– Давай-ка отойдём в сторонку, – Ревень отвёл его в темноту, подальше от лишних ушей.

Сёма Фомин начал рыться в своих карманах:

– погоди. Где же?.. А, вот! – он вытащил что-то из брюк и протянул Володе.

– Что это? – Рева взял из его рук круглый предмет, похожий на монету, тщетно пытаясь его разглядеть.

– Старинная золотая монета.

– Откуда она у тебя?

– Хе, – довольно ухмыльнулся Фома с важным видом заправского парня.

Рева вертел в руке круглячок:

– Золотая, говоришь?

– Ладно, дай. Сейчас всё равно ничего не увидишь.

Володя вернул монету. Фома положил её обратно в карман брюк.

– Ну, не тяни, рассказывай.

Фома с деловым видом посмотрел на друга.

– Ты Мазурика знаешь? – спросил он.

Володя слышал о нём. Он жил на соседней улице. Это был человек с сомнительной криминальной репутацией. Звали его Роман Мазуров. Ему было около тридцати лет. Профессиональный карточный игрок, он нигде не работал и помимо карт занимался спекуляцией⁹. Говорят, что он даже сидел в тюрьме, но недолго. Впрочем, он частенько пропадал. А когда появлялся, то в его квартире в старом двухэтажном доме напротив леса, где он жил у своей жены, по слухам, той ещё шалавы, устраивались пьянки с разными подозрительными личностями. Пьяные дебоши Мазуровы закатывали и без гостей. Роман, бывало, колотил жену за то, что она проматывала все деньги за время его отсутствия и залезала в долги. Она тоже нигде не работала, но деньги на бутылку жигулёвского пива у неё всегда находились, даже когда

⁸ «Подколымить» – подработать единоразово, «подшабашить», «подхалтурить».

⁹ Спекулянт – человек, занимающийся перепродажей товара (незаконно в СССР), наживающийся на взвинчивании цены на дефицитном и труднодоступном продукте.

в доме не было куска хлеба. То она вдруг появлялась в новых дорогих шмотках, неизвестно откуда появившихся, то у неё очередной ухажёр. Говорили, что она быстро нашла себе мужика, пока Мазурик, якобы, сидел, и жила с ним какое-то время. Соседи с ними не связывались, а те, в свою очередь, не трогали соседей.

Володя попытался вспомнить, как тот выглядит. Похожий не то на цыгана, не то на молдавана, с чёрной кудрявой шевелюрой, Мазурик ходил в пёстрой рубашке с расстёгнутыми верхними пуговицами, иногда чуть не до пупка, обнажая волосатую грудь, на которой висел массивный крестик на толстой цепочке. Таким он запомнился Володе, когда он случайно видел его пару раз.

– Он живёт на Базе, – сказал Ревень.

«Базой» местные называли соседнюю с Зелёной улицу, растянувшуюся вдоль леса. Она также относилась к старому фабричному району.

– Да, – подтвердил Фома. – Я недавно встретил его, а он и спрашивает: «Не хочешь денег подзаработать?»

– Откуда он тебя знает?

– Обижаешь, Рева, я всех знаю, и меня все знают.

Это незамысловатое объяснение выглядело весьма убедительным.

– Ну, вот, – продолжал Фома, – Я спрашиваю: «Как?» А он даёт мне штук десять таких монет и говорит, мол, это старинные монеты, их какая-то бабка в деревне у себя на огороде откопала. Сдать побоялась, а сама живёт бедно. Отдала задёшево. «Хочешь, – говорит Мазурик, – заработать – езжай в Москву, я тебе адресок один дам. К тебе подойдёт фраерок¹⁰, он – коллекционер, за монетки тебе такие бабки отвалит, что и не снились!» Я у него спрашиваю, что он за это хочет. Он сказал, чтоб я привёз ему сто червонцев из той суммы, что мужик заплатит. Если продам дороже, то остальное мне.

– Ну, и что? – спросил Володя, едва тот замолчал.

– Ну, я ему говорю: «Давай». Он при мне из автомата у клуба позвонил и сказал, что сам приехать не сможет, а вместо себя паренька пришлёт, меня, то есть. Потом адресок мне дал и предупредил, чтобы я был там к шести и не опаздывал. Я поехал, вначале на метро, потом на трамвае в Сокольники. Нашёл дом, высокий такой, недавно построенный. Там возле подъездов машины стоят. Я сразу смекнул, что там не бедные люди живут. Стою себе рядом в скверике, монетки потихоньку разглядываю. Тут смотрю: одна у меня из кармана выпала. Хватился, а карман-то рваный. Пересчитал – девять штук! Одной не хватает! Ну, вашу мать! Что делать? Начал в траве искать. И тут вижу: неподалёку пацан какой-то что-то с земли поднял и разглядывает. «Не иначе, – думаю, – мою монету нашёл!» Подхожу ближе, так и есть! Хотя он её сразу спрятал, как только меня заметил. Я ему: «Монетку-то отдай. Я её здесь обронил». А он – нет, мол, ищи дураков. Я говорю: «Отдай по-хорошему, не нарывайся!» Он ни в какую. Я к нему – он от меня. Побежал за ним, а он, знаешь, может, лет шестнадцать-семнадцать, шустрый такой. Я его догоняю, а поймать не могу. Он увернётся и назад, да ещё и ржёт, козёл! Смешно ему, что я за ним бегаю, как пацан, между деревьев! Ух, и зло меня взяло! Ну, думаю, попадись ты мне только, мелкий бздюк, башку оторву! А сам уже выдыхаюсь. И тут заметил я мужичка, который из подъезда дома вышел с собакой на поводке, зашёл с ней в скверик и по сторонам озирается. Я уж догадался, что он меня ищет. Ладно, думаю, подойду, а то он уйдёт, и останусь я в накладе. А он, знаешь, такой тощенький ботаник в очках. Ему бы ещё голос писклявый...

– Рева! – раздался голос Лёньки.

Володя обернулся:

¹⁰ «Фраерок», фраер (жарг.) – человек, не имеющий никакого отношения к блатному миру, чужой в уголовной среде. Часто фраерами называли людей, выдающих себя за блатных, но таковыми не являющихся.

- Лёнька, езжайте без меня!
- Мы пока не едем, я просто узнать, здесь ты или нет?
- Тогда подождите.
- Ты что там делаешь? Я уже девушек нашёл и вино!

Раздался смех.

- Ну и что? – спросил Володя, снова обратившись к Фоме.

– Что-что! Я ботанику говорю: «Полтора куска за всё». А он такой: «Нет, это очень дорого, у меня такой суммы нет, мы так не договаривались». Я ему: «Мы с тобой вообще никак не договаривались. Сам сколько дашь?» Он помялся и начал ныть, что с Мазуриком условился по сто «рябчиков»¹¹ за монету. А я про себя думаю, что одной у меня нет, и Мазурику надо отдать тысячу, эдак я ему ещё и должен останусь! «Нет, – говорю, – Это ваши дела и мне про них ничего не известно. Давай по сто пятьдесят и баста!» А он шавку свою за поводок дёргает: «Пойдём домой!» Я сбрасываю до ста сорока. Он не оборачивается. «Ну, и чёрт с тобой!» Я опять разозлился и уже хотел плюнуть на всё. А он мне вдруг: «Сто тридцать!» Прикидываю: я не в накладе, да ещё на кармане кое-что осядет. По рукам. В-общем, осело у меня сто семьдесят рубчиков, да если б ещё ту монету продал, так все триста бы были!

- А эта у тебя откуда?

– Хе, – усмехнулся Фома, – Так ведь пацана-то я того поймал! Придурок всё время прятался в кустах вместо того, чтоб убежать. Я его вычислил, правда, случайно. Он, наверное, следил за нами, сыщик хренов. Но менты, блин, откуда они взялись? Не дали мне зло на нём сорвать. Я его на землю завалил и пару раз успел съездить по роже. Тут они подъехали. Я – в кусты, а этот дал дёру. А монетка у него выпала. Если б не они, я ботанику и её бы загнал, пока он в подъезд не зашёл. Но вылезать из кустов побоялся. Один мент вроде за пацаном побежал. Я долго сидел, ждал, пока они не уедут, но монетку потом подобрал! Жаль, что не знал номер квартиры ботаника. Ему ведь тоже лишнее внимание ни к чему. Поэтому он Мазурику только номер своего телефона дал.

- Выходит, ты теперь при деньгах, – ухмыльнулся Рева.

Фома заёрзал на месте:

- Мне отлить надо, – сказал он, озираясь.
- Мне тоже.

Они спустились с дороги на тропинку и встали прямо у забора, скрывшись от остальных в такой непроглядной тьме, что и друг друга в двух шагах не смогли бы различить. За частоколом, сквозь листву деревьев во дворе пробивался слабый свет из окошка дома. Неожиданно до их ушей донёсся какой-то шум. Он исходил как будто из дома и напоминал торопливые шаги и всхлипывание. Вдруг дверь избы резко распахнулась и на пороге показалась женщина. Её было плохо видно на фоне тускло освещённой прихожей. В то же мгновение чья-то сильная рука схватила её сзади, очевидно, за волосы, так как голова её резко запрокинулась, и ноги подкосились.

- Нет! Не надо! Ну, пожал... – рыдающим голосом взмолилась она.

Но её прервал резкий звук пощёчины. Послышался негромкий крик, за которым тотчас раздался отчаянный возглас: «Помоги!»... Дверь захлопнулась, и всё снова стало тихо. Всё произошло за несколько секунд, и Володя успел заметить, что женщина, судя по голосу, молодая, была одета не по-домашнему. На ней не было ни халата, ни сарафана, что могло бы указывать на хозяйку дома или его жительницу. На ней была юбка до колен и что-то вроде блузки. Её одежда скорее выдавала в ней горожанку.

- Фома, ты слышал? – спросил Ревень.
- Да, видать, мужик жену воспитывает.

¹¹ «Рябчиков» (жарг.) – рублей.

Володя несколько секунд стоял в нерешительности, о чём-то думая и прислушиваясь. Затем Фома увидел его влезającego на забор.

– Ты куда, Рева?

– Тише, пойду – посмотрю.

– Да брось ты! Там, наверное, собаки! – недовольно воскликнул Сёма.

Но Володя уже спрыгнул с другой стороны.

– Оставайся, если боишься.

После такого высказывания Фома, естественно, не мог остаться безучастным. Он решил, что Реву потянуло на приключения. А что, если и вправду там что-нибудь интересное? Хмельное состояние прибавило задора, и он полез через забор.

– Эй, Фома, ты куда? – сзади подошли ребята из его компании, вероятно, чтобы тоже опорожниться.

– Тихо вы! Посмотреть надо!

Он прошёл по двору мимо низких садовых деревьев, приблизился к дому, и двигаясь вдоль стены, едва не натолкнулся на Володю, пригнувшегося у окна. Тот обернулся и приставил палец к губам. Снова всё погрузилось в безмолвие, и даже отдалённые весёлые разговоры ребят на дороге, казалось, стихли.

Вдруг слабый, но отчётливый звук, похожий на стон или вопль женщины, раздался из окна. Оно было заперто и занавешено изнутри, поэтому увидеть, что происходит там, не представлялось возможным. Неожиданно послышался удар, затем слабый крик и звук рвущейся материи.

Володя приподнялся у окошка и встал вплотную к стене, знаком показал Фоме сделать то же самое по другую сторону. Затем тихо постучал по стеклу.

Глава 4

Прошло несколько напряжённых секунд. В доме, казалось, всё смолкло. Но вот спустя минуту снова раздался шорох и всхлипывания. На этот раз Володя совершенно ясно услышал матерную брань мужика. Он опять постучал по стеклу. За последовавшим за этим коротким молчанием возник шум, словно, по полу что-то передвинули. Рева уже подумал, что и сейчас не последует никакой реакции. Может, его стук был слишком тихим? Но вдруг свет в комнате погас, неожиданно резко занавески отдернулись, так, что Володя едва успел убраться от окна.

– Чё надо? – тихо просипел низкий голос.

Рама скрипнула и открылась.

– Кто тут? – в проёме появилась чья-то голова, но в темноте нельзя было разглядеть лица хозяина. В этот момент из комнаты отчётливо послышался чей-то жалобный стон и рыдания. Он резко обернулся назад, затем сплюнул и, выругавшись, затворил окно. Снова зажёгся в комнате свет. Послышался хлесткий звук пощёчины и тихий женский вопль. Володя заметил, что створки остались незапертыми, а лишь едва прикрытыми. Он попытался их вновь открыть, но старые рамы предательски заскрипели, выдав попытку Володи. Он прижался спиной к стене рядом с окном.

Наступившая напряжённая тишина нарушалась лишь какими-то отдаленными звуками где-то в доме и еще доносившимся с дороги гомоном от загулявшей молодёжи.

– Ша выйду, кого найду – зарублю нахер! – раздался грозный голос изнутри.

Вдруг окно распахнулось, и мужик майке высунулся по плечи наружу, напряжённо всматриваясь в темноту. Володя успел заглянуть сверху через створку внутрь комнаты. Возле железной кровати, расположенной у стены, он заметил девушку, присевшую рядом на полу, поджав под себя ноги. Вытянутыми руками, связанными ремнём у кистей, она держалась за спинку кровати.

В этот момент мужик поднял голову вверх и заметил Володю. Его рябое и какое-то грубое морщинистое лицо вытянулось. На короткое мгновение они встретились глазами. Никто не знал, что последует за этим. Непрошенных гостей заметили, теперь им, наверное, следует уносить ноги. Вначале так подумал Фома, ведь игра закончилась с момента их обнаружения. Само время будто остановилось в эту секунду, но затем всё произошло с молниеносной быстротой.

Рева резко ударил ногой по створке окна и ею по лицу рябого. Володя не помнил, как оказался внутри комнаты. Не дав противнику опомниться, он заехал кулаком в челюсть мужику и тем самым отбросил его назад. Тот отступил и покачнулся, но не упал.

– Ты что тут делаешь?! – гневно спросил Рева, наступая на него.

Однако рябой не испугался. Он был под хмелем и лишь это, возможно, помешало ему среагировать быстро. Но теперь он взял себя в руки и озверел. Неожиданно в его руке возник нож. Девушка закричала. Это отвлекло Володю и неизвестно, избежал бы он удара, если бы не подоспевший вовремя Фома не перехватил его руку за запястье своими обеими. Ошарашенный Рева не сразу сообразил, в чём дело, и лишь когда свободной левой рукой мужик стал бить Фому по затылку, прикрывавшего за плечом лицо, он опомнился. Тотчас Володя схватил со столика за горлышко недопитую бутылку водки и разбил её об голову рябого. Мужик опять устоял на ногах, затем вытаращил глаза и, оскалив зубы, взревел от злобы и напряжения. Фома, улучив момент, пытался ударить его коленом в живот, всё ещё не решаясь отпустить руку с ножом. Володя сзади обхватил рябого рукой за шею и повалил на пол.

Фома, наконец, оседлал противника и с ругательствами и отборным матом стал колошматить его, уже лежащего, обеими руками. Володя, смотрел на него в каком-то оцепенении,

словно, ему самому дали обухом по голове. Он не знал, помогать ли Фоме или, наоборот, оттащить разъярённого друга.

Всё случившееся потом вообще было для него, как в полусне. Неожиданно откуда-то справа никем не замеченная дверь распахнулась от удара ноги. Володя обернулся на звук и не сразу понял то, что увидел. Все действия перед его глазами совершались плавно и замедленно, но ещё медленнее до него доходило сознание того, что происходит. Он не видел стоявшего в дверях соседней комнаты, откуда-то взявшегося мужика. Он смотрел на дуло ружья, направленное на него. Затем сзади раздался чей-то крик: «Стреляют!», хотя выстрела ещё никакого не было, но едва Володя успел об этом подумать, как дуло повернулось в сторону кричавшего и выстрел прогремел.

Несколько секунд Рева стоял не шелохнувшись. Мужик с ружьём, не тратя времени, выпрыгнул в окно и исчез во тьме. Никто даже не попытался его остановить. Фома и, особенно, Володя были так ошеломлены не только выстрелом, но и неожиданным появлением стрелка, что не сразу опомнились и осознали, какая опасность им только что угрожала. Во дворе появилось движение. Послышались чьи-то тревожные приближающиеся голоса. Затем крик. Позабыв про поверженного мужика и его пленницу, Фома и Володя выскочили на улицу так же через окно.

Вглядываясь в темноту, они заметили группу ребят из их компании возле дома, собравшихся кучкой вокруг чего-то.

– А кто это? Кто-нибудь его знает? Что с ним? – раздавались голоса.

Затем они повернулись к Володе с Фомой, и только сейчас Рева заметил, что на земле лежит человек. Он подошёл и склонился над ним, но с трудом различил лицо. Оно показалось ему знакомым.

В этот момент к группе подбежал какой-то парень и взволнованно сказал:

– Я видел! Он побежал за дворы!

– Кто?

– Осторожно! У него ружьё! – сказал один из стоявших, и двое или трое ребят исчезли во тьме в указанном направлении вслед за тем парнем.

Только после этого Володя понял, что лежащий перед ним человек ранен. Странно, но вначале он и не думал, что мужик попал в кого-то. Володя почему-то решил, что тот стрелял наугад, чтобы просто отпугнуть. Тут возник Лёнька и девушка из мотоцикла. И только с её появлением Володя вспомнил, кто был этот несчастный. Она издала истошный вопль и упала на колени, обхватив руками голову раненого.

– Саша! Сашенька! Очнись! – звала она паренька и рыдала.

Странно, но ни Володя, ни Лёнька, похоже, не знали его имени, хотя просидели с ними почти весь вечер за столом, слушая, как красиво близнецы поют.

Саша не подавал признаков жизни. На груди под рубашкой расплзлось пятно крови.

– Лёнька! Что же ты стоишь? Надо отвезти его скорей в больницу! – воскликнул кто-то из ребят.

– Подождите! Может, его нельзя поднимать! Надо вызвать «скорую»! – сказал другой.

– Пока мы будем вызывать, он умрёт! Да и где телефон в этой деревне?

– Стойте! Я знаю у кого! Сейчас! – один из парней убежал на поиски телефона.

– Лёня! Надо везти его пока не поздно!

– Нужно остановить кровь! Может, в доме найдётся, чем перевязать рану? – первая здравая мысль прозвучала из уст какой-то девушки.

И тут Фома вспомнил про оставшуюся в доме женщину и мужика.

– Скорее, за мной! – скомандовал он, и несколько человек вместе с ним вбежали в комнату, где происходила драка.

Негодяй всё ещё лежал на полу. Фома стал развязывать ремень на запястьях девушки.

– Здесь есть бинт? – спросил он у неё.

Она ничего не ответила и лишь покачала головой, что скорее означало «не знаю», чем «нет».

– Поищите какую-нибудь материю, которой можно перевязать! – крикнул Лёнька.

Володя вошёл в дом и остановился. Он слышал возгласы спящих ребят, но они, будто доносились до него издали. Он ещё не мог оправиться от потрясения. Володя видел девушку, которую освободил Фома. Тот что-то спрашивал у неё, но она, видимо, была в таком же состоянии отрешённости. Её заплаканные мокрые глаза, неподвижно уставились в угол. Слёзы размазали под ними тушь и оставили следы на щеках. Её губа сильно вздулась, вероятно, от удара. Половина лица опухла и посинела.

В другой комнате на кровати оказалась ещё одна девушка. Эта, по всей видимости, оказалась жертвой для другого изувера, того, кто стрелял. Она была вся обнажена и испуганно забила в угол. Широко раскрытыми дикими глазами она смотрела на присутствующих. На её лице и теле также были видны следы побоев. Когда один из ребят подошёл к ней, она в ужасе закричала:

– Нет! Не надо! Не трогайте меня! Нет!

Комната была обставлена старой мебелью. Покосившийся шкаф с дверцами, испещрёнными мелкими и крупными царапинами, стоял возле узкой кровати, где на скомканной простыне, прикрывшись каким-то покрывалом, сидела несчастная девушка. Рядом, на табуретке и на полу валялась её одежда и бельё, отчасти порванные. На столе, напротив окна находился столик, заваленный всяким тряпьем.

Лёнька подошёл к Володе с удручённым видом.

– Они там перевязывают его, но, кажется, он уже не дышит, – сказал он тихо, потирая рукой лицо, словно, пытался снять завесу сна и проснуться от этого кошмара.

Ревень посмотрел на него.

– Откуда он здесь взялся? – спросил Володя. – Как он появился тут раньше остальных?

– Не знаю, Рева, не спрашивай. – Мезенцев, не глядя на него, с мрачным видом досадливо покачал головой. – Может, пошёл отлить, как и другие. Я был с ребятами, а потом услышал шум и крики... Ты сам-то как здесь оказался?

– Я тоже услышал крики...

В этот момент Лёньку позвали. Несколько человек понесли раненого к мотоциклу.

Глава 5

Фома привязал поверженного мужика к ножке железной кровати тем же ремнем, которым тот привязывал девушку. Нос и губа его были разбиты, а под глазом заплыл синяк – Сёма постарался. Зато теперь он выглядел так же, как и его жертва.

Приехал милицейский УАЗик и «скорая». На первые вопросы ребята что-то оживлённо наперебой рассказывали. Очень скоро дошла очередь до Фомы и Ревы, стоявших в сторонке, поскольку они первыми оказались в доме. Володя курил. Он не помнил, какие погоны были на плечах у того, кто задавал вопросы, он даже не помнил его лица. Володя отвечал односложно и коротко, не глядя в глаза милиционеру. У него был задумчивый вид, словно, он пытался что-то вспомнить. Создавалось впечатление, будто, он находится в состоянии, близком к шоку, и не вполне осознаёт, что вокруг происходит. Фома же, наоборот, всё хорошо понимал, и старался не взболтнуть лишнего и без прямого вопроса, обращённого к нему, рта не раскрывал. Вскоре вместе с мужиком их обоих посадили в УАЗик и увезли. В отделении их снова подробно допрашивали и заносили показания в протокол. Так они провели остаток ночи. Только утром Володя вернулся домой. С усталым видом он упал на кровать и проспал почти до вечера.

На другой день, на работе он встретил Лёньку и спросил его о раненом паренёчке. Тот с мрачным видом печально покачал головой. Похоже, что он не очень хочет говорить об этом, но, уже собираясь идти дальше, поинтересовался:

– Я всё же не пойму, что там случилось? Это были какие-то сбежавшие ээки?

– Я и сам ничего не знаю, – грустно ответил Володя.

В этот момент появился завгар¹² Сергей Степаныч Каблучков.

– Ну, что, доигрались? – сердито спросил он. – Говорил я тебе, Лёнька, что твой шебутной¹³ характер тебя до добра не доведёт! А ты ещё и с «зелёновскими» связался, вот и влип в историю!

Сергей Степаныч недолюбливал Володю. Впрочем, эта неприязнь была взаимной.

– Что уставился? – задиристо спросил он Реву, когда тот косо исподлобья взглянул на него. – Ты на меня глаза не тарашь¹⁴! Не напугаешь! И не таких видали! Знаем мы вашу братию – шпана подворотная!

Володя усмехнулся, качая головой.

– А ты не улыбайся, не улыбайся! – не унимался завгар. – Я за тобой давно наблюдаю! Ты у меня на особом счету! Смотри, если хоть одна бумага из милиции на тебя придёт, мигом вышибу с работы!

Товарищ Каблучков был человеком старой закалки. Ему было около пятидесяти лет, но энергии и здоровья у него ещё хватало. Невысокого роста, лысоватый, с едва выступающим брюшком он слыл активистом, любил участвовать на всяких собраниях и выступать на них. Ему нравилось в торжественной обстановке вручать вымпелы¹⁵ отличившимся труженикам или «ставить на вид» нерадивым водителям, выносить им выговора и нарекания. Во всём неукоснительно следовавший предписаниям и инструкциям, он был закостенелый конторщик и бюрократ, только маленького масштаба. Шоферов он постоянно понукал, поскольку был не из их среды и знал, что многие его недолюбливали. На почве общественно-полезной деятельности такой человек, вероятно, проявил бы большой энтузиазм и инициативу.

¹² «Завгар» – заведующий гаражом.

¹³ «Шебутной» (разг.) – беспокойный, неумный, озорной, весёлый.

¹⁴ «Не тарашь», «тарашиться», «пялиться» – смотреть пристально, разглядывать.

¹⁵ Вымпел – узкий, часто треугольный вертикальный флаг, подобие наградного знамени отличившемуся сотруднику, коллективу или предприятию за трудовые достижения.

Неизвестно, чем была вызвана его неприязнь к Володе. Может, он сразу почувствовал независимость в характере Ревеня, и что это человек совершенно иного склада, чем он сам. А, возможно, дурная слава Зелёной улицы сослужила для Володи плохую службу. И хотя за ним не замечалось серьёзных проступков, Сергей Степаныч был твёрдо уверен, что от таких людей добра не жди. А Каблучков являлся и верным слугой, и рупором¹⁶ общественного мнения. Он считал, что власть нужно уважать и чтить в любом её проявлении, начальство всегда право и непогрешимо. Начальству такое рвение и преданность определённо нравились. А вот у Володи, да и многих других такое подобострастие и подхалимство вызывали отвращение.

Рева брезгливо сплюнул вслед уходящему завгару.

В тот же день он столкнулся в дверях диспетчерской с Серёгой Дорофеевым. Тот был не рад этой встрече. Смущённо пряча глаза, он со вздохом молча пожал руку Володе и поспешил уйти. Четвёртый член их тогдашней компании, Паша сказал позже Ревеню, что на Серёгу «надавили» не без участия завгара, и он теперь ходит «тише воды – ниже травы». Хотя он и остался в тот вечер во дворе у Лёньки, о нём, как участнике этой истории умалчивали.

Спустя пару дней Рева встретил Фому. Они зашли за продуктовый магазин. Володя достал сигарету и закурил.

– Знаешь, кто были те мужики в доме? – спросил Фома.

– Кто?

– Хе, – ухмыльнулся, как обычно, Сёма, но явно без бахвальства, а скорее с досадой. – В-общем, они с зоны снялись. Их ищут давно. Я случайно в ментовке слышал. Матёрые ээки.

Володя молчал, страшивая пепел.

– Они много народу положили после побега, – продолжал Фома. – Вначале вроде отсиживались у знакомой бабы на хате. Пили водяру. Потом деньги кончились, пошли к её бывшему мужу. Он не дал, они замочили его и его новую жену, которая была беременная. Поймали такси, таксиста в расход¹⁷, а сами приехали в Москву к её знакомой. Та баба оказалась замужем и к себе не пустила, а чтобы отвязаться дала наводку на бывшего соседа по даче, дядьку богатого, да к тому же коллекционера. Они завалились к нему, его убили, да ушли не сразу, выгребли всё ценное барахло и попили водки вдоволь прямо возле трупа хозяина. На полную катушку погуляли. А что им терять?

Он замолчал. Только сейчас Рева заметил, что он нервничает.

– А чей это дом в Никольском? – спросил Володя.

– Не знаю.

«Ладно, – подумал Рева, – Лёнька там должен всех знать».

– А что про этих баб слышно? – спросил он.

– Это студентки или вроде того. В Москве в какой-то общаге живут. Ээки награбленное барахло скинули, и поехали на бабки кутить¹⁸. Зацепили этих баб, угостили выпивкой, «хи-хи, ха-ха», поехали «на дачу». Вот и приехали. Им, небось, нравится, что мужики забористые, при деньгах. А когда понимают, что придётся раздеваться, сразу делают невинные лица, да уже поздно. Одну изнасиловали, вторая рыпаться¹⁹ начала, так её, вон, как этот ухарь²⁰ измордовал²¹.

¹⁶ Рупор – расширяющаяся труба для усиления звука для вещания на открытых собраниях вместо микрофона. Здесь – переносное значение, т.е человек, ревностно поддерживающий общепринятое мнение.

¹⁷ «В расход» – убрали, избавились, убили.

¹⁸ «Кутить» – проматывать деньги.

¹⁹ «Рыпаться» (жарг.) – сопротивляться, давать отпор.

²⁰ «Ухарь» – человек бойкий, задорный, бесшабашный, «безбашенный». Здесь использовано в негативном значении, т.е беспредельщик, не признающий никаких законов и принципов, вышедший за рамки приличия и морали, перешедший грани разумного.

²¹ «Измордовал» – сильно избил.

– Жалко парня, – сказал Володя со вздохом.

– Им всё равно кого. Я же говорю: беременную бабу замочили вместе с мужем. За просто так могут укокошить любого. Беспредельщики. Бешеные звери.

– Точно. Да, что ты ёрзаешь на месте, как шибзик²²?

– Ничего. Просто озяб²³.

Володя усмехнулся:

– Видать, напугали тебя эти рассказы. А что баба, которая была с ними? Её нашли?

– Не знаю.

– Хоть одного взяли.

– Менты его не «расколют», – сказал Фома, – Хотя ему «вышак»²⁴ светит! Может, и заговорит, чтоб смягчили приговор. Только на зоне, если узнают, что он своего ментам сдал, сразу замочат. Ему всё равно крышка. Небось, бесится, что взяли его из-за простых пацанов. Они этого так просто не оставляют, дружкам на воле передадут, что надо. Так, что будь начеку!

Володя посмотрел на друга и покачал головой.

– И теперь мы должны озираться по сторонам? Они будут гулять, насиловать баб, убивать нормальных ребят, творить, что хотят, а мы хвост подождём: «Ничего не видим, не слышим, не знаем, только нас не трогайте», так что ли? Да ты сам, Фома, его в том доме едва не измочалил, а теперь чего зассал?

– Я не зассал. Просто, там я думал, что это пьяные деревенские мужики, а не зэки. А с зэками тягаться у нас с тобой кишка тонка! Посмотрю я на тебя, когда подстерегут за углом. Пырнут ножичком – оглянуться не успеешь! Мне неохота в подворотне валяться с перерезанным горлом.

– Выходит, если бы ты знал, кто они такие, то драться не полез бы, даже вместе со мной? – спросил Рева. – А если бы они над твоей женой надругались, а потом убили, ты тоже в сторонке бы стоял? Ты меня удивляешь!

Фома усмехнулся, но без тени обиды, поэтому даже не ответил. Володя говорил без запальчивости и бахвальства. В противном случае – грош цена его словам. Сёма понимал, что, по большому счёту, Рева прав. Гневные и раздражительные ноты редко звучали в голосе Володи. Уверенный и спокойный тон, которым тот говорил, убедил Фому. Если бы он так давно не знал друга, то желал бы убедиться, как на самом деле повёл бы себя тот в критической ситуации.

Фома помолчал немного, собираясь с мыслями, потом сказал:

– Рева, а монетку, которую я тебе в тот вечер показывал, помнишь?

– Ну?

– Я потом её опять потерял, – горько ухмыльнулся Фома. – Представляешь?

Володя иронично взглянул на друга.

– Какой тебе прок от неё?

– Я потерял её в том доме во время драки.

Лицо Ревы стало серьёзным.

– Почему ты думаешь, что там? – спросил он.

– Потому, что я видел, как менты её нашли! Я уж потом у себя по карманам шасть²⁵! Нету! Значит, моя! Может, когда тебе показывал, обратно, по привычке, в дырявый карман положил. Мент с пола поднял и другому, старлею²⁶ говорит, мол, это же та самая, из коллекции,

²² «Шибзик» – сухой, маленький, тощий, невзрачный, болезненного вида человек.

²³ «Озяб» – почувствовал холод, замерз.

²⁴ «Вышак», «вышка» – высшая мера наказания в СССР – расстрел.

²⁵ «Шасть» – здесь: пошастал, залез в карман.

²⁶ Старлей (сокр. от старший лейтенант).

вот и улика! Я же тебе сказал, что эски дачника – коллекционера убили и ограбили. Так вот, это его монетка!

– Вот те раз! – присвистнул Рева.

– А ты думал? А ещё говоришь: «Что ёрзаешь?» На моём месте и не только ёрзать начнёшь! Меня тогда в доме досада за монету взяла. Я, конечно, ни сном, ни духом, вида не подал.

– Погоди, ведь их дал тебе Мазурик!

– Вот именно! Они ему спихнули все награбленные «брюлики»²⁷. Значит, он их знал! Я уже думаю, что неспроста менты подъезжали, когда я с ботаником торговался!

– А где сейчас Мазурик?

– Ха! Будет он ждать, пока его загребут!

– А ты ему деньги отдавал?

– Нет, конечно! – буркнул Фома с мрачным видом и, отвернувшись, сплюнул на землю.

Володя понял, что «кореш»²⁸ чувствует досаду.

– Ну, а где я найду его?! – почти воскликнул тот, избегая пристального взгляда друга.

– Жена его, конечно, тоже ничего не знает? – спросил Рева.

– Знает – не знает, она мне, что ли будет рассказывать? – раздражённо махнул рукой Фома. – Я ещё в тот вечер зашёл, после того, как монетки «ботанику» сбавил. Стучу в дверь – никто не отпирает. Постоял – подождал – ушёл. На другой день снова захожу. Его, видать, дома опять не было. Она открывает. Выходит такая, вся «на понтах»²⁹, в халате, с сигареткой...

Сёма скорчил брезгливую физиономию и, помахивая поднятой ладонью с растопыренными пальцами, изобразил курящую жену Мазурика.

– Выпившая, что ль, была – не знаю? – продолжал он. – «Чё пришё-ёл?» – «Роман дома?» – спрашиваю. – «А тебе чё за де-ело? Ты кто тако-ой?!»

Фома нарочно приукрасил её вызывающе-высокомерный тон, растягивая слова на ударах.

– Блин, Рева, ну, я же нормально, без наездов. Я что ей, шестерка какая-то? Что за базар?! Шалава, блин!

Володя усмехнулся, видя, как незаслуженно снесенная обида выводит из себя Фому.

– Я ей не должен ни копейки! – сердился тот. – А про должок Мазурику она и знать не знает, иначе по-другому бы разговаривала! Я не стал с ней ругаться. Ладно, думаю, баба пьяная, за языком не следит. Только Мазурику при встрече скажу обязательно. Так нельзя себя вести!

– А он тебе сказал к нему зайти? – спросил Рева.

– Да не... Вроде нет, не говорил.

– Откуда ты знаешь, где он живёт?

– Да я тут каждый угол в районе знаю!

– Какая разница? Если он тебе свой адресок не давал, на кой ты к нему пошёл?

– А как? Я не понял, Рева! Я что, его бабки прикарманить должен?! Западло³⁰ это! Уговор есть уговор!

– Договариваться надо было толково. Через жену – значит через жену. Или в каком потайном месте для него оставить. А так... Всё это хрень какая-то! Душком пахнет³¹! Соображаешь? Он через тебя золотишко-то «мокрое» отмыл, да и отсиживается теперь. Если тебя

²⁷ «Брюлики» – драгоценности.

²⁸ «Кореш» – закадычный друг.

²⁹ «Понты», «Весь в понтах» (жарг., мн. ч. от «понт» – гоно́р) – претенциозное поведение; стремление покрасоваться, произвести сильное впечатление на кого-либо.

³⁰ «Западло» (жарг.) – неудача. Здесь – нечто зазорное, недостойное, подлое.

³¹ «Душком пахнет» – ненадежно, подозрительно, фальшиво.

сцапают – ты и виноват. Отдувайся, как хошь! А если пронесёт и всё утихнет, то он с тебя потом ещё и спросит: «Давай-ка, мил, человек, возвращай, как условились!» И будет прав!

– Ты думаешь, он за лоха меня держит?! – вспыхнул Сёма. – Он бы и не доверил бы мне всё это обстряпать, если б считал, что я – тупорылый тормоз!

– Нашёл, чем хвастаться! Гляди-ка: дело ловко провернул! А то, что тебя из-за него посадить могут, невдомёк тебе? Дурилка картонная!

– Так для начала у меня ещё денежки эти надо найти!

Володя в недоумении посмотрел на него.

– Так ты что, всё-таки отдал их его бабе?! – удивился он.

– Да хрен там! – раскраснелся раздосадованный Фома. – Стерва напыщенная! Я ей отдам, а она потом их прогуляет и скажет, что и в глаза меня не видела?! Тем более, пьяная была! Скажет: «Не помню такого! Какие еще „бабки“?!» Так я ещё и должен останусь?! Я ещё не совсем чокнутый! С ним был базар, с ним и расчёт будет!

– Ну, ты меня и напугал! – усмехнулся Рева. – А то я уж было решил, совсем с головой не дружишь!

– Зря ты, – заявил с самодовольной ухмылкой Фома, – Некоторые пусть себе думают про меня, что хотят. Мне больше с рук сойдёт. А бабло заныкано³², пусть полежит пока в потайном месте...

Сёма подмигнул Володе:

– Я не тороплюсь.

Рева, прищурившись, посмотрел на него.

– Не одолжишь пятёрку до зарплаты? – пошутил он.

– Не-е, – покачал с наигранно серьёзным видом Фома. – Таких не держим. Только золото в слитках. А все моё на мне висит.

И они оба засмеялись.

³² «Заныкано» – спрятано.

Глава 6

Володя дома на кухне жарил на сковороде картошку. Его соседка Инна из комнаты напротив поставила на плиту кастрюлю с кашей для ребёнка. Следуя негласному договору, они занимались приготовлением пищи вдвоём. Ворчливые бабки из других комнат занимали кухню либо позже, либо раньше, но никак не вместе с молодыми, с которыми они не находили общего языка. Впрочем, бывало, они и между собой ссорились прямо у плиты.

Инна с Володей очень хорошо ладили друг с другом. Она была невысокого роста с лицом не лишённым привлекательности. Когда она красила ресницы и губы, уходя на работу в швейное ателье, то выглядела очень симпатичной. Но дома заботы о ребёнке заставляли её забывать о себе самой. Тем не менее, Володя часто ловил себя на мысли, что думает о ней, как о женщине. Она ему нравилась своей простотой и лёгкостью в общении. Инна была замужем за военным. Тот часто пропадал на службе, а его дежурства иногда отрывали его от дома и ночами, и в выходные. Володя, сам работавший всю неделю с утра до вечера, встречал его редко. Дочери Инны Маше исполнилось 4 года, и она ходила в детский сад.

Стирали молодые люди по очереди в выходной, также занимая для этого общую для всех ванную, а иногда и одновременно с кухней. И на этот раз они затеяли сразу и то, и другое. Как известно, совместный бытовой труд сближает. Володя хотел отвлечься от грустных мыслей стряпнёй и болтовнёй с соседкой.

– Вова, посмотри за кашей, а я пока бельё прополоскаю, – попросила Инна.

– Валяй! – ответил он и, присев на потрескавшийся подоконник, закурил сигарету в приоткрытое окно. Он смотрел сверху сквозь листву деревьев на гонявших мяч мальчишек. Затем подошёл к плите, помешал кашу и картошку.

Вскоре вернулась Инна.

– Наверное, уже сварилась? – спросила она, вытирая руки.

– Наверное. Есть будешь?

Частенько только что приготовленные блюда, они тут же вдвоём съедали, причём продукты меж собой не делили, как бабки. Инна накрыла кастрюлю крышкой и выключила плиту. Затем позвала Машку есть.

– Слушай, – сказал Володя, – А ты спроси у своего Игорька, может, скинемся и купим машинку стиральную?

– Да что ты? Ему дела нет! На машину копит.

– На машину всю жизнь можно копить, а стиралка сейчас нужна.

– Бабки денег не дадут, ты же знаешь, – с досадой сказала Инна.

– А они пусть сами своё барахло стирают!

– Зато будут потом возмущаться, что мы лишний свет прожигаем на этой стиралке, а платим, как все.

– Это уж точно.

– Стиралка – палка, палка – стиралка, – Машка завертелась на табуретке с ложкой в руках.

– Ну-ка, ешь кашу, и не крутись за столом! – строго сказала ей Инна.

Володя понимал, что отношения у неё с Игорем прохладные. Но стать её любовником у него за спиной, несмотря на заманчивость, было для Володи верхом цинизма. От старух такое не скроешь. Они и так поглядывают косо, а позлословить им только повод дай.

– Жениться тебе надо Вовка, – подмигнула Инна. – Парень ты вроде работающий.

– Вовка – морковка, – тут же отозвалась Машка.

– Сейчас ремня всыплю! Ешь, и не балуйся! – погрозила дочери Инна.

Володя засмеялся.

– А куда я жену-то приведу? В свою каморку? А отца иногда выпроваживать буду? – иронично сказал Рева.

– Найди невесту побогаче, с отдельной квартирой.

– Отца на кого оставлю? Пропадёт ведь. – Володя грустно улыбнулся. – Сама бы пошла за меня?

– А ты бы взял? – весело спросила она.

– А чего не взять? Баба ты молодая, видная. Глядишь, ещё Машке брата с тобой состругаем.

Инна засмеялась:

– Да уж, стругать-то все мастера!

– Не скажи! Все хотят, да не у всех выходит!

– А у тебя, думаешь, выйдет?

Рева с улыбкой прищурил глаз:

– Инка, ты будто корову на рынке выбираешь – дойная или нет?

Та расхохоталась.

– Ох, и насмешил ты меня! – сказала она, переведя дух. – Ладно, так и быть: вот сбегрим мы с Машкой куда-нибудь нашего папашку, и придём к тебе.

– Приходите, а я к тому времени сбегрю своего.

– Машка – папашка, папашка – какашка.

На этот раз повеселевшая Инна не сразу одёрнула дочь.

– Хватит! Что, как попугай повторяешь за взрослыми! Поела? Теперь, кыш из-за стола!

Оставшись вдвоём, они замолчали, словно, весь задор и весёлость ускакали вприпрыжку вслед за Машкой. Вздохнув, Инна задумалась, глядя в сторону, очевидно, позабыв о присутствии Володи. Он открыл окно и, оперевшись локтями о подоконник, высунулся наружу. Подул лёгкий ветер. Зашелестели листья на деревьях. Снизу кто-то свистнул.

– Кажется, это ко мне, – сказал Рева и махнул кому-то рукой.

Внизу его ждал Лёнька. Володя, накинув куртку, спустился и поздоровался с ним. Мезенцев топтался на месте и, видимо, чувствовал себя не в своей тарелке.

– Слушай, тут такое дело, – начал он неуверенно. – В-общем, нужна машина.

– Какая машина? Зачем?

Лёня сделал паузу, соображая с чего лучше начать.

– Понимаешь, – сказал он, – Возвращаюсь я с работы сегодня, смотрю: у ворот меня поджидают две бабы. Одну я узнал сразу – это сестра того убитого парня, а другая, постарше, видать, их знакомая или родственница, у которой они здесь остановились. В-общем, они хотят завтра в нашей церкви отпеть его. Автобус казённый выделили на похороны утром. А тут накануне вечером выясняется, что он из командировки ещё не вернулся. Под Рязанью в аварию попал.

– Да, ... дела, – задумчиво произнёс Рева.

– Если б сегодня везти, можно было бы наших мужиков с работы попросить, хоть Антипыча на фургоне, благо короткий день. Он, конечно, ворчун ещё тот, но дядька понятливый. А завтра машину ему никто не даст. Не на мотоцикле же мне гроб переть? Или автокран свой с базы брать?

– Причём тут кран или не кран? Ты с работы как выехать собрался? Надо завгару, «Каблуку» звонить, упрашивать. Сам знаешь...

– Да с этим бы я уж как-нибудь, – махнул рукой Лёнька. – К диспетчерше бы нашей сгонял, она бы путёвку черканула.

– Ну, раз так, может, другую попросить?

– Какую, Рева? – усмехнулся Мезенцев. – Одну оставшуюся бортовую³³ и ту на стройку угнали, «ковши»³⁴ да цистерны только.

– Так мой «ковш» тоже сегодня ломом загрузили. В понедельник с утра повезу. Если только скинуть его. Да и как туда гроб заталкивать? И снимать потом? Это тебе не песок! Мы его покоробим только, – Володя задумчиво покачал головой. – А о чём они раньше думали, бабы эти?

– Ждали, пока вскрытие проведут или экспертизы какие-то. А как про автобус узнали, засуетились: «Ой, что делать?!» Забегали, нашли какого-то мужика на «двушке»³⁵, вроде договорились, а он потом в последний момент что-то начал отнекиваться: «извините, не могу!» У тебя, случайно, нет знакомых, к кому обратиться?

Володя покачал головой.

– Они деньги заплатят, если надо, правда, вряд ли много дадут, – добавил Лёня. – Не знаю, что мне с ними делать?

– А что, они с тобой что ли? – спросил недоумённо Володя.

– Да, стоят там возле мотоцикла, чтобы сразу договориться, если найдём частника.

– Что же они к тебе пришли?

– А кроме своих деревенских они больше никого и не знают. А их знакомые, помнишь, двух сестёр, что были тогда у меня, сказали им, что я на машине работаю. Они, может, и не пришли бы, я так думаю, нужда их заставила, деваться некуда. Я рад бы помочь, но вот как, ума не приложу?

Володя в смятении направился за ним к продуктовому магазину, возле которого Лёнька оставил свой мотоцикл. Женщины стояли рядом под высоким ветвистым деревом. Рева не сразу признал в молодой девушке ту, которая в тот роковой вечер красиво пела песни вместе с братом. Сейчас её лицо осунулось, сохранив, однако, приятные черты. Влажные от слёз глаза она то и дело вытирала платком, который теребила в руках. Другая тётка, на вид лет сорока, была чуть ниже ростом. С мрачным видом она поддерживала за локоть молодую спутницу, которую звали Варя. Вдвоём они выглядели, как напуганные прижавшиеся друг к другу дети, потерявшие своих родителей. Причём старшей казалась та, что была выше, а другая будто пряталась за неё.

– Здравствуйте, – сказал им Володя.

– Здравствуйте, – тихо ответили те, одновременно кивнув головами.

Тётка хотела что-то сказать, но девушка прервала её:

– Я сама, Наталья Сергеевна, – и обратившись к Володе, стыдливо опустила глаза, – Понимаете, мне очень неловко обращаться к вам с просьбой. Но, вы знаете, у нас большое горе. А мы почти никого не знаем. Нам бы Сашу в церковь на отпевание отвезти, а попросить некого.

Тут её подбородок задрожал, рот изогнулся полукругом вниз и, не выдержав, она уткнулась в плечо тётке и заплакала. Та успокаивала её, глядя по голове, а сама продолжала говорить вместо Вари:

– Мы сами в гости приехали к Серафимовым. Это мои родственники по маминной линии. Ярослава Федосеевна, пожилая уже, при церкви у батюшки служит. Обещала с нами в Загорск съездить, да куда нам теперь? А Тихон Петрович стар совсем, раньше ветеринаром работал на ферме, а сейчас на пенсии он. Ещё соседи есть Лида с Дашей, сёстры, брат у них двоюродный в Никольском живёт, да вы его видели. Он в котельной работает. Саша с Варюшей с ними подружились, в гости ходили. А ночевали они у нас, Варя в сенях, Саша – на сеновале, благо ночи стоят тёплые. А я и не следила, гуляют допоздна, так что ж, дело молодое, взрослые ведь,

³³ «Бортовую» – имеется в виду грузовик общего назначения с деревянными откидными бортами по бокам и сзади.

³⁴ «Ковши» – самосвалы.

³⁵ «Двушка» – автомобиль «Жигули» ВАЗ 2102 с кузовом «универсал».

чай не дети. И приходят они, когда им надо, никого не беспокоят. Так вот не надо было мне пускать их, да кто ж знал, что такая беда стрясётся?

Она помогла сесть Варе в коляску мотоцикла. Лёнька, опустив голову, топтался на месте, как провинившийся хулиган. Володя достал сигарету и отошёл чуть в сторону. Тётка подошла к нему.

– Вы уж не оставьте в беде, – сказала она ему, – Если можете, помогите. Не откажите. Может, знаете кого, кто согласится отвезти? Они мне, как дети. Жалко до слёз. У меня самой нет никого. Мужа три года назад схоронила, да вот только дальние родственники остались. Я сама учителем работаю по биологии в школе в нашей деревне. А они оба – сиротские, отказные. Их интернат неподалёку от деревни находится, а учителей не хватало. Сейчас дали тамошним ребятишкам учителя хорошего, серьёзного, а я всё равно, нет-нет, да и зайду к ним, поведать, как они. Знаете, привыкаешь к ним, как к своим. Радуетесь с ними, болеете за них. Бывает, у кого-то случится что, так и на душе неспокойно, а когда все веселы и здоровы, на сердце легко становится. Они всё очень чувствуют и понимают. Помню, мы часто вместе ходили в лес. Я им рассказывала про деревья, растения. Ребятишки у меня всех букашек знали, даже птиц по голосу определяли! Они во дворе уже сотню саженцев посадили! Представляете: возвращаются они лет через двадцать, а на том месте уже целый лес! А ещё мы в пионерские походы ходили, пели песни у костра. Им очень нравилось. Многие уже выросли, а всё равно собираются иногда вместе и идут в поход. Мне рассказывали. Далеко ездят, с рюкзаками, с байдарками к таёжным речкам. Некоторые альпинистами стали, в горы ходят, на Алтае были, на Памире! А Сашенька с Варюшей на геологов учились. А песни как они красиво пели вдвоём! Все заслушивались. Их любили брать с собой в походы. Только теперь вот нет Сашеньки. И был он всегда такой безотказный, скромный. За что же его-то? Разве ж он зла кому причинил?

Тётка всхлипнула и стала вытирать слёзы. Володя не понимал, зачем она всё это ему рассказывает. Может, хочет разжалобить? Не похоже. Слишком, по-деревенски проста, вряд ли станет нарочно придумывать или говорить с умыслом. Рева затушил сигарету.

– Попробую сделать, что смогу, – сказал он, – Но ничего не обещаю.

Женщины начали благодарить Володю, но он махнул рукой, и мотоцикл, подняв пыль, с рёвом уехал.

Глава 7

Сгущались сумерки, но детвора ещё играла в футбол во дворе. Многие уже устали и разошлись по домам. Оставшимся было лень идти за мячом, укатившимся далеко в кусты. И они бросали жребий: «Камень, ножницы, бумага!» Затем раздался смех: «Давай, Юрик, дуй!» Белобрысый мальчуган нехотя отделился от компании и побежал к кустам. Ему навстречу вышел человек в чёрной рубахе с расстегнутым высоким воротом, с подвёрнутыми чуть не до локтей рукавами и таких же тёмных брюках на ремне с большой пряжкой. Он держал в руках мяч и легонько подбрасывал его на ладони.

– Здрасьте, – сказал с детской непосредственностью Юра, остановившись в нескольких шагах от незнакомца.

– Привет-привет! – кивнул мужик.

– Можно мяч взять?

Тот посмотрел на мяч, потом на мальчика.

– Твой?

Юра кивнул.

– Хорошо играешь? – прищурившись, с улыбкой спросил незнакомец.

– Ну, так... – пожал плечами мальчуган. – Не знаю.

– Как играешь – не знаешь? – с наигранным удивлением сказал мужик – Ну, а просить-то ты умеешь?

– Что просить? – в недоумении произнёс Юра.

– Да хоть что! Вот мяч, например! Я вот нашёл его. А ты: «можно взять?» Разве так просят?

Пацан смутился, сообразив, что его начинают учить хорошим манерам и покачал головой. Он вздохнул, потупив взгляд, и с досадой подумал, что на свою беду нарвался на принципиального жёсткого дядьку, который заставит его краснеть, говорить «пожалуйста», хотя сам тот явно не из тех, кто особо церемонится.

Когда он снова поднял глаза на незнакомца, тот со снисходительной усмешкой поманил его пальцем. Юра сделал два шага вперёд. Мужик присел перед ним на корточки. Ему на вид было за тридцать. Он был высоким, худошавым и поджарым. Крепкие загорелые руки с проступавшими венами держали мяч. На запястье Юра заметил часы на широком металлическом браслете. За расстёгнутым воротом на его шее висела такого же цвета цепочка. Он был не из местных, это точно, и не из простых.

– Тебя Юркой кличут? – спросил он, играя в руке мячом.

Тот кивнул в ответ.

– А меня – Валера, – мужик подал руку мальчику.

Тот пожал её в ответ.

– А ещё – Чингаром, – сказал дядька, не выпуская руки Юры, и добавил чуть тише, наклонившись чуть не к самому уху: – Но это прозвище только для друзей!

Он отодвинулся и подмигнул пацану.

– А у тебя погоняло³⁶ есть? – снова спросил он.

– Угу.

Мальчуган начал томиться этими расспросами. Его и ребята ждут. Он прятал взгляд, не желая продолжать разговор.

– Чё молчишь? – пристально посмотрел на него незнакомец. – Не нравится тебе твоя кликуха?

³⁶ «Погоняло» – кличка, прозвище.

Тот покачал головой.

– Ладно, – улыбнулся дядя Валера, – не буду допытывать. Тебя уже заждались, наверно?

Юра кивнул.

– Ну, держи, – «Чингар» протянул ему мяч, но едва тот собрался его взять, как снова отдернул руку назад. – А ведь ты так и не попросил!

Мальчик вздохнул:

– Пож...

– Чшшш, – прервал его мужик, приставив палец к губам. – Я не хочу заставлять тебя быть вежливым. Я рос таким же, как и ты, простым пацаном на улице. И тоже не любил все эти правила. Мы ведь друг с другом и так договоримся, верно ведь?

Юра посмотрел на него и кивнул.

– Скажи-ка, друг, а ты давно здесь живёшь?

– Давно.

– С малолетства?

– Да.

– И знаешь тут всех?

Мальчик пожал плечами:

– Ну, да... Многих.

– А знаешь такого, Ревень – фамилия?

– Знаю.

– Это – мой старый знакомый. Я тут проездом. А вот адресок потерял. Только улицу помню. Где живёт, не подскажешь?

– Э-э, – мальчик обернулся, показывая в сторону одного из домов, стоявшего среди деревьев.

– Или лучше, Юрок, – снова прервал его Валера. – Позови-ка мне его. Не хочу быть непрошеным гостем. Пусть придёт. Скажи, мол, давний приятель дожидается. Хорошо?

– Ладно.

– Ну, давай, беги! А потом возвращайся! Я здесь подожду.

Когда Юра вернулся, то не увидел мужика в чёрной рубаше на прежнем месте и с досадой подумал, что тот ушёл и забрал с собой его мяч. А может, и бросил неподалёку. Он стал озираться по сторонам и в этот момент, тот, как и в первый раз, вышел из-за кустов, не желая, вероятно, попадаться на глаза прохожим. Всё это выглядело немного странно и подозрительно.

Юра подбежал к нему:

– Его нет дома!

На лице Чингара отразилось недовольство.

– А где он? На работе? Не знаешь?

– Не, – ответил Юра. – Сказали, что ушёл и всё.

– Ясно, – дядя Валера снова присел перед мальчиком, с досадой приглядываясь к дому. – Слышь, у меня к тебе будет просьба. Только ты слушай меня внимательно, хорошо?

Юра кивнул, опасаясь, что тот отправит его ещё с каким-нибудь поручением.

– Не говори никому, что я заезжал к нему, ладно? Да и вообще, что видел меня!

– Хорошо, – ответил мальчик, обрадовавшись, что, наконец, избавится от докучавшего дядьки.

Он уже начинал его побаиваться. Этот человек внушал опасение. Его голос был тихим и твёрдым. И Юра чувствовал, что он врёт.

– Ты ведь умеешь хранить тайны? – спросил тот.

– Да.

– И никому не расскажешь?

– Нет.

– Слово пацана?

Мальчишка снова закивал.

Человек в чёрной рубашке взял Юру за правую руку и положил ему на ладонь его мяч.

– Замётано!

Он подмигнул пацану и с хитрым прищуром посмотрел на него пронизывающим взглядом.

Когда мальчик убежал, мужчина поднялся с корточек, и огляделся. Можно было бы ещё подождать, но не хотелось привлекать лишнее внимание. Да и не хотелось тратить время впустую. Лучше в другой раз. Становилось прохладно. В воздухе повеяло сыростью. Надо было уходить.

Незнакомец неторопливым шагом направился мимо магазина к остановке. Сидевший на корточках у входа в продмаг Фома, курил и безмятежно пускал дым. У него был вид беспечного зеваки и лоботряса, что соответствовало закрепившейся за ним репутации. Между тем глаза Сёмы внимательно следили за человеком в чёрном и, как только тот стал переходить улицу, он поднялся, бросил окурок и, расправив ремень на поясе, двинулся в том же направлении.

Тем временем, на другом конце улицы Володя перебежал через дорогу и направился к воротам войсковой части. Войдя в проходную КПП, он наклонился у окошка:

– Мужики, нельзя ли вызвать Колесова Игоря, старлея из третьей роты. Он сегодня на дежурстве. Дело срочное, я – его сосед.

За стеклом молодой не то прапорщик, не то младший офицер внимательно посмотрел на него и снял трубку телефона. Володя не слышал, что тот говорил. Через несколько минут дверь помещения открыл солдат.

– Сюда зайдите, – сказал он.

Рева вошёл и поднял лежавшую на столе трубку:

– Алё, Игорь?

– Да, – раздался голос из телефона.

– Привет, это Вовка Ревень. Слушай, тут такое дело, в-общем, долго объяснять, – Рева покосился на присутствующих двоих солдат и офицера за столом, с равнодушным видом уставившихся в окно. – Тебе далеко до КПП идти?

– Что случилось?

– Разговор есть.

– До завтра терпит?

– Нет. Если сможешь, подходи сейчас. Много времени не отниму.

В трубке раздались гудки.

Володя вышел на улицу. «Может не стоит к нему обращаться? – подумал он. – Случись чего – влетит ему!» Рева вздохнул. «Ладно, подожду, что скажет?!»

Через десять минут вышел Игорь. Появление Володи означало, что стряслось что-то серьёзное.

– Привет! – пожал ему Ревень руку.

– Привет! Чего хотел?

– Ты не сможешь машину выделить завтра утром на пару часов?

– Ты обалдел, что ли? Как я выделю? Куда? Я сегодня ответственный в батальоне. Я, конечно, могу к дежурному по части подойти. Но сразу скажу: он меня пошлёт подальше. Сейчас гаражи все опечатаны, завтра воскресенье, без распоряжения начальства я их не имею права вскрывать, будь я хоть сам дежурный, мне сразу по шапке дадут, а в распоряжении у него только УАЗик рассыльный на всякий случай. Так что ничем тебе помочь...

– А какой УАЗик? «Буханка»³⁷?

– Нет, «козлик»³⁸. А что?

Володя с досадой вздохнул:

– Такой не пойдёт.

– Да я тебе никакой не дам. Ты что возить-то собрался?

Володя молча отвернулся.

– Или кого? – повторил вопрос Игорь.

– Покойников, – произнёс Рева и достал сигарету.

– Чего?! – в недоумении уставился на него Колесов. – Это что, прикол такой?

– Нет, – серьёзно ответил Рева, чувствуя бесполезность дальнейших объяснений.

– Да ты одурел?! Вы что там грохнули кого-то?!

– Да не кипишуй³⁹ ты! – махнул рукой Рева. – Никакого криминала. Просто колеса нужны.

– Ты серьёзно? Трупы возить? И ты за этим сюда припёрся?!

– Ладно, извини.

– Да пошёл ты! – воскликнул раздосадованный Игорь. – Сам за рулём едешь! Нет, в такие дела меня не впутывай! Нам вот-вот квартиру дадут. А мне ещё и неприятностей не хватало с тобой! Нет уж, иди-ка ты, поищи в другом месте!

Он потопал ногами на пороге КПП, отряхивая песок с сапог, и отворив дверь, ушёл.

Рева стоял на улице и курил. Он знал, что Игорь и другие офицеры во время дежурств, если нужно, пользовались машинами для своих нужд. Даже солдаты, бывало, гоняли ночью на «рассыльном» УАЗике за девками и водкой. А теперь, вон, как у них всё сразу строго стало!

Смеркалось. Зажглись редкие фонари. В воздухе опять запахло дождём. Смешанное чувство овладело Володей. С одной стороны его одолевали вопросы: что он должен сделать? И надо ли ему это? Люди эти ему совершенно незнакомы. Ради чего и кого тратить ему своё время? К тому же, эта трата может оказаться напрасной! Да и к чему они затеяли отпевание это? «Не мое дело, конечно. А с другой стороны...» – думал он, – «после отказа водителя, с которым женщины договорились вначале, они всё ещё надеялись найти машину и в бесполезных поисках потеряли время». Это можно понять. Да и как поступил бы он сам на их месте? Сейчас, глядя на всё со стороны, он рассуждает вроде бы здраво. Но будь он в таком состоянии, как они? Вряд ли верная мысль сразу бы пришла ему в голову. А они – женщины, убитые горем. Ничего удивительного, что в такой ситуации растерялись, не зная, что делать.

«Ну, даже если так, – подумал Володя. – Каким боком всё это относится ко мне? Я им чем-то обязан? Многие на моём месте отказали бы, как и тот водила и вполне оправданно». Но он не отказал. Володя пытался понять, почему? Может, потому, что они пришли к нему и попросили его о помощи. Конечно, никто его не принуждает, и он был волен не соглашаться. Но, как обычно, согласился именно поэтому. Неужели в этом всё дело? А, может, его просто разжалобили слёзы Вари и речи тётки – учительницы?

Володя вспомнил, как близнецы вместе пели в тот вечер. От них исходило какое-то обаяние и умиротворённость. Они были, как два цветка с одного стебля, и вот теперь остался только один. Другой исчез, оставшийся осиротел и поник. Целая жизнь оборвалась в один миг с прогремевшим выстрелом. А за мгновение до этого раздался крик: «Стреляют!» Почему? Зачем он оказался там в этот момент? Но если бы не он? Тотчас в памяти возникло дуло ружья.

³⁷ «Буханка» – так называли в народе УАЗ серии 452 обычно с кузовом типа «микроавтобус» многоцелевого назначения именно из-за его схожести с буханкой хлеба.

³⁸ «Козлик» – УАЗ-469 (советский джип) повышенной проходимости. Обычно в армии и сельской местности использовался для начальства.

³⁹ «Кипиш» (жарг.) – паника, шум, скандал для привлечения внимания. Изначально «кипеш» – одесский мошеннический промысел.

«Этот парень спас мне жизнь! – подумал Володя. – А я, неблагодарная свинья, ещё размышляю, помогать мне его сестре или нет? Так, что ли! Будь я такой эгоист, зачем же меня понесло в тот злосчастный дом выручать из беды незнакомых девок? Развернулся бы и пошёл своей дорогой. А что же я сам Фоме втирал⁴⁰ недавно про то, как нельзя бояться сволочей и отсиживаться в сторонке? Получается, что другим говорю, а сам – то так, то эдак?»

Недовольный собой он достал сигарету. Но курить раздумал. Сигарет осталось мало. Придётся растянуть. Он убрал пачку в карман куртки и пожалел, что по близости нет магазина или хотя бы табачного киоска.

«Отпевать?! – подумал он, усмехнувшись про себя. – Зачем?» Володе это казалось бессмысленной попыткой успокоить самих себя церковным ритуалом. Разве его воскресить? Эх, если бы он только мог ему помочь! Как?! Это не в его силах. С досады он покачал головой. «Конечно, если это хоть как-то утешит сестру, – подумал он. – У неё ведь больше никого нет. Неужели даже в этом я ей откажу? Вот если бы мне сказали: „Извини, но уже ничего не поделаешь. Все это бесполезно и нет никакой надежды. Ты и сам всё знаешь. Надо смириться и жить дальше“. Да, я всё понимаю. Но неужели мне было бы легче от этого?»

Володя решил для себя, что должен помочь Варе. Надо было даже раньше самому предложить помощь! Да хоть бы этот Саша и не спасал его, так что ж теперь? Оставаться равнодушным к беде человека? Он задумался: «А, может, я просто хочу выглядеть правильным в собственных глазах? Нужно ли это? Нет, погоди. Если так рассуждать, то все благие дела надо делать напоказ, чтоб все видели. А потом говорили, какой ты хороший. Только на кой такое надо? Буду, как Тимур и его команда⁴¹? Это смешно и глупо. Так ведь даже они и то прятались, всё делали тайком». Володя усмехнулся своим забавным мыслям. А ведь ответ прост. Конечно, ему не плевать, что скажут потом люди, но рано или поздно они забудут. Хуже всего остаться не в ладах со своей совестью, сожалеть, что поступил не так, как подсказывало сердце, жить с камнем в душе.

Тёмное ночное небо кропило землю мелким дождём. С крыши остановки стекала вода и капала в лужицы. А на сердце было горько, и слезы текли где-то внутри подобно каплям дождя.

Володя вздохнул и окинул взглядом давно знакомый вид на улицу, протянувшуюся вдоль леса от войсковой части. На безлюдную дорожку, едва освещаемую фонарем. Пасмурно и тоскливо. Тишина, лишь шум листвы от слабого дуновения ветра. Старая дорога, уходящая вдаль и где-то там скрывающаяся за поворотом. Этот поворот. Он всегда манил его. Непостижимой тайной, дальней дорогой и чем-то ещё, что и объяснить нельзя. Володя проезжал его не раз. За поворотом был еще поворот, а там, по прямой, через километр или чуть больше – Щелковское шоссе. Но проезжая дальше он понимал, что манящая тайна осталась где-то там, на Балашихинской дороге, у того поворота, или у этой самой улицы, на этом самом перекрёстке. Что это? Как будто здесь кто-то есть. Кто-то незримо присутствует тут и наблюдает за ним сейчас. Кто же это? И где? В покачивающихся ветвях сосны, нависших над проезжей частью? В уходящем вдаль запоздалом автобусе, которого и след простыл? Он не знал. Но он чувствовал это.

⁴⁰ «Втирал» (разг.) – доказывал, долго и настойчиво объяснял.

⁴¹ «Тимур и его команда» – повесть А. Гайдара о пионерах, тайно делавших добрые дела.

Глава 8

Вернулся Лёнька Мезенцев. Стали думать. Оказалось, что и обратиться-то не к кому. Бортовой ЗиЛ-130, отвозивший кирпичи на стройку, так и остался там. В короткий день рабочие ждать его не стали, а прораба уже и след простыл. Один вахтёр только руками разводит. Был бы самосвал – высыпал бы им кирпичи и всё. Наверное, строители подумали, что так и будет. А им прислали бортовую машину. Водитель, конечно, не стал выгружать в одиночку. Закрыл кабину и ушёл.

– Поехали к нам, – сказал Володя. – Со сторожами как-нибудь сладим. Я возьму свой самосвал, скину лом и вперёд! Мужики, конечно, обидятся: я ведь не один эти железки в кузов закидывал. Зря, получается, задержались на два часа. А всё наш Каблучок – он велел, перед начальством стелется. Да, ладно, придумая, что сбрехать.

– Погоди, а ведь у нас там старенький автобус ГАЗон⁴² стоит? – оживился Лёнька. – Я знаю, он не на ходу. Васька Смирнов как поставил его на ремонт, так, похоже, после этого и не подходил к нему больше. То говорил, что запчастей нет, то будто ему новый дают, то он увольняется. Трепаться и права качать он мастер. Сейчас отпуск взял, пьянствует. Давай, к нему сгоняем? Может, ещё трезвый? Бутылку пообещаем – поедет куда угодно! Лишь бы автобус завести!

– А, погнали! – в Володе проснулся прежний задор. – Будь, что будет!

Чем безнадежней становилась ситуация, тем с большим оптимизмом он на неё смотрел. Мотор мотоцикла снова затарахтел. Рева уселся позади Лёньки, и они поехали к Смирнову.

Васька Смирнов, молодой мужик, женатый, жил в одной из старых пятиэтажек, расположенных цепочкой вдоль дороги, отделявшей их от парка, и окружённых уютными, поросшими растительностью и деревьями, двориками.

Попросив Володю подождать его на улице и постеречь мотоцикл, Лёнька вбежал в подъезд с исписанными плохими словами стенами и поднялся на третий этаж. Дверь ему открыла жена Смирнова.

– Васька дома? – поинтересовался Мезенцев.

– Кто там? – раздался из квартиры голос хозяина, который, к счастью, оказался здесь.

– Тебя спрашивают, – небрежно-равнодушным тоном ответила жена и, окинув оценивающим взглядом гостя, ушла.

Появился Васька. Судя по виду, он ещё не был пьян, но запах спиртного чувствовался. Вероятно, его прервали во время трапезы.

– Лёнька! – воскликнул он. – Заходи!

– Вась, я к тебе на пять минут!

– Заходи-заходи! Успеешь со мной пропустить по сто грамм! – сказал Смирнов, закрывая за гостем дверь, – Пошли на кухню! Я только что открыл бутылку!

– Мне нельзя – я за рулём! У меня к тебе дело на пол-литра!

– Хорошее дело! Выкладывай. – Смирнов стал серьёзным.

– Порулишь завтра утром своим автобусом? – спросил Мезенцев. – Надо кое-кого отвезти кое-куда.

– Да ты что, Лёня! – засмеялся повеселевший Василий. – Нет, я, конечно, понимаю, что очень нужно. Только автобус этот сдох! Он не поедет никуда.

– Мы его сделаем, – сказал Лёнька и хитро улыбнулся.

Смирнов удивлённо уставился на него, соображая, шутит он или нет.

⁴² Старенький автобус ГАЗон – имеется в виду автобус КАВЗ – 685 на базе ГАЗ-53.

– Во даёт! – воскликнул Васька и тоже заулыбался. – Нет, я всё понимаю – дело срочное. Но не врублюсь: ты что, собрался чинить его? Ночью? Ты, случайно головой не ударился? Дай, посмотрю.

Он в шутку потянул было руки к голове Мезенцева, но тот отмахнулся от них:

– Да перестань ты! Я серьёзно. Меня Рева у мотоцикла ждёт.

– Рева? – переспросил Васька с таким видом, словно никогда не слышал такого прозвища.

Он замотал головой и поморщился, соображая, в чём дело. До него не сразу дошло, что от него хотят.

– Он же сломан! Ну, ладно, если хотите, пойдём. Только я с собой «пузырь»⁴³ захвачу! – Смирнов схватил со стола бутылку водки за горлышко. – Такие дела без бухла не решаются!

– Оставь! Как же ты потом поедешь?

Тот озадаченно встал с бутылкой в руке.

– Нет, ребята, как хотите, а я так не согласен! Поручить – поручу, а ремонтировать без водки не пойду! У меня отпуск, в конце концов! Имею право?

Взяв у Васьки ключи от автобуса и обещание больше не пить до утра, а проспать, Лёнька предупредил, что заедет за ним, как только они заведут ГАЗон. Потом он вышел на улицу и вкратце передал Володе свой разговор со Смирновым.

– Ну, что попробуем? – спросил он Ревеня, и в ответ на кивок головы, дал по газам.

Когда они остановились напротив закрытых ворот, Володя слез с мотоцикла и направился на проходную. Он постучал кулаком в запёртую дверь, затем подошёл к маленькому окошку, в котором приподнялась занавеска. Сухое маленькое лицо показалось из темноты. Сторож, прищутив глаза, посмотрел на незваного гостя.

Спустя минуту дверь отворилась, и низенький старичок появился на пороге.

– Володька? Ты что ль? А кто с тобой? Лёнька?

– Здорово, дед Ефим!

– Здорово! – дед отступил чуть назад, пропуская вошедших, и закрыл дверь.

Зажёгся свет, и Володя бегло оглядел помещение. На столе возле чайника стояли две железные кружки. Играл радиоприёмник.

– Ты что, один? – спросил Рева.

– Нет, – ответил дед. – Сейчас Михалыч придёт. Он по нужде отошёл.

– Мне тоже надо в кустики, – Мезенцев вышел на улицу.

Володя постоял с минуту.

– Слушай, дед Ефим, – сказал он, – Мне бокс открыть надо. Хочу туда наш старенький автобус загнать.

– Зачем?

– Понимаешь, наш завгар дал мне партзадание: отремонтировать его к понедельнику. Тогда он меня в передовики выдвинет!

– Да ну? Правда? – удивился дед. – А чего ж на ночь глядя? Завтра приходи. Хоть целый день возись! И светло, днём-то!

– Знаю, дед, рад бы, да не могу. Завтра с девушкой встречаюсь. Билеты в цирк купил. Не хотелось бы встречу отменять!

– Да-да, верно, не надо отменять, – важно сказал сторож, – Это дело такое! Я знаю! Сам, бывало, на работе задерживался, но на свидания с девками – строго по расписанию! Этому нужно время уделять обязательно! А на что нам молодость даётся? Хе-хе! Работа – что? Работать ты всю жизнь будешь. А молодость – это, я скажу тебе, Володька, пора короткая. Не успеешь оглянуться, а она прошла уже. Нельзя её упускать! Веселись, радуйся, гуляй до зари, пока

⁴³ «Пузырь» – бутылка спиртного.

сил в тебе много! Но, конечно, и слишком переутруждать себя не стоит. Гм, да. Ну, ты понял. В-общем, ступай! Ключи у тебя есть? А фонарик дать? Бери. Сейчас, он в ящике стола у меня лежал. Где же он? Куда, окаянный подевался? Может, Михалыч забрал? Эх, гм... А! Вот он! В кармане куртки у меня! Хе-хе! Держи, Володька!

Получив от деда Ефима фонарик, Рева направился к гаражам. «ГАЗон» стоял на улице рядом с полуразобранными машинами. Уже было темно, но, к счастью, старенький автобус освещался светом фонаря на столбе. Володя открыл капот. Первое, что бросилось ему в глаза, так это отсутствие аккумулятора. Причём, это Володю нисколько не удивило. Даже, если бы его никто и не снял, он всё равно здесь не использовался и потихоньку разряжался бы. Рева отправился в бокс. Те несколько аккумуляторов, которые он там нашел, были либо разряжены, либо вовсе непригодны. Пришлось пойти к своему самосвалу. Володя открыл его, залез в кабину, завёл двигатель, погазовал, прогревая его, затем подъехал к автобусу. Подошёл Лёнька. Вскоре снятый с самосвала аккумулятор уже стоял на новом рабочем месте. Попытка запустить «движок» с его помощью не увенчалась успехом.

– Ну, что? Не ладится? – послышался голос Мезенцева из темноты.

Он вывернул свечи. Конечно, они были в нагаре, но всё равно должны работать! Зачистив на них контакты, он поставил их назад. Попробовали завести – результат прежний.

Володя вздохнул, не зная, что предпринять. Раздумывая над тем, в чём могла быть загвоздка, он с досадой смотрел на стрелки на приборах, затем включил фары. Оказалось, работал только ближний свет. Но это ещё терпимо. Пощёлкал поворотниками. Передние работают, Лёнька пошёл посмотреть задние. Один тоже «моргает», а другой и проверять не надо – он разбит. «Нужно хотя бы лампочку найти и поставить», – подумал Рева. Это оказалось делом недолгим. Причём, найти оказалось сложнее, чем поставить. Потом Володя надавил педаль тормоза. Снова Лёнька пошёл назад посмотреть – стоп-сигналы горели. И то хорошо!

Оставалось дело за малым – завести «движок». Проверили контакты на трамблере, провода заменили. Всё бесполезно: заводиться автобус не желал.

– Ёлки-моталки! – Володя с досадой покачал головой. – Да что мы мучаемся? Ставлю назад аккумулятор, сбрасываю лом и баста!

– Столько провозились и напрасно? Что-то ты быстро сдался. Не унывай! Время ещё есть. Володя посмотрел в сторону Лёньки.

– Что ёжишься? Замёрз? А ты погрейся – ручку покрути! – предложил ему Ревень.

Тот взял изогнутую рукоять, просунул её в отверстие бампера и, оперев в храповик коленвала, зафиксировал.

– Готов? – спросил Володя.

– Давай!

Прокручивая коленвал ручкой, Лёнька пытался старым дедовским методом оживить мотор. Володя в это время ключом запускал стартер и жал ногой на педаль газа. Давно спавший двигатель, видимо, почувствовав, что взялись за него серьёзно, начал понемногу просыпаться. Однако он не хотел поддаваться сразу. Недовольно и жалобно он будто стонал с каждой «прокруткой», как пьяный мужик, которого пытаются разбудить.

Всё же удача на миг улыбнулась им: капризный мотор затарахтел. Но едва появились довольные улыбки на лицах парней, как он, зачихав и закашляв, как старый дед, заглох. Матерная брань была ему ответом за бесполезные старания и обманутые надежды.

– Лёнька! – решительно заявил Володя. – Подгоняй сюда свой кран!

Сказано это было таким твёрдым тоном, что Мезенцев и не подумал возражать. Он ушёл и вскоре подъехал на машине. Ребята подцепили к ней автобус на буксир и начали возить его по территории. Двигатель загудел, и Володя посигналил Лёньке, чтобы тот остановился.

– Ну, что? – подбежал Мезенцев.

– Неустойчиво работает, – мрачно сказал Ревень. – Холостые обороты не держит. Того и гляди: заглохнет! Сейчас загоню его в бокс. Надо карбюратор смотреть.

Последующие два часа они возились с карбюратором, перебрав его едва ли не до винтика, доливали масло в двигатель и воду в радиатор, смеялись и шутили, и чуть не поругались. Двигатель автобуса теперь заводился, но работал всё же не очень устойчиво. Было около половины третьего ночи. Лёнька уехал за Сидоровым.

Володя достал сигарету и закурил. Ночь стояла ясная. На небе светили звёзды. Было тихо и прохладно. Рева чувствовал усталость. Хотелось спать. Сделав несколько затяжек, он затушил сигарету и полез в автобус. Устроившись поудобнее на сиденье, он накрылся телогрейкой и задремал.

Проснулся он, услышав, как открылась дверь. Протерев глаза, Володя разглядел Лёньку. Тот был один.

– Ты здесь? – спросил Мезенцев, вглядываясь в темноту.

– Да. А где Васька?

– А нет Васьки! – тот устало сел на пассажирское место.

– Как нет? Не приехал? Отказался, да?

Лёнька, не глядя на Володю, с расстроенным видом махнул рукой.

– Мне вообще вначале никто не открывал. Конечно, время позднее, но мы же договорились! – сказал он. – Потом меня жена не впускала. «Спит он!» – мне говорит. Я ей: «Буди!» Хотела перед носом дверь закрыть. А я вовремя ногу поставил. Потом захожу, её отодвигаю в сторону и к этому подхожу. А он дрыхнет. Перегар на всю комнату. Начинаю толкать – бесполезно. Только мычит что-то. Он, видать, не поверил, что мы автобус сделаем, и нажрался, как свинья. Голову только поднял и опять уронил. Я спрашиваю: «Где техпаспорт!» Он на гардероб рукой махнул. Я нашёл его куртку, достаю документ. А эта его стерва развизжалась: «Ты чего тут хозяйничаешь? По вещам лазишь? Сейчас милицию вызову!» Конечно, я понаглел немного. Показываю ей техпаспорт прямо перед носом и говорю: «Завтра верну!»

Володя засмеялся, представив себе эту комичную ситуацию.

– Чего ржёшь? Что делать будем? – спросил Лёнька. – Обрато аккумулятор на самосвал ставить и лом скидывать уже времени нет. Ехать надо. У тебя хоть категория на автобусы открыта?

– Сейчас откроем, – весело сказал Рева. – Что же, мы зря здесь полночи торчали? Подарок этому засранцу Васе сделали, починили его автобус. Если кому рассказать – засмеют.

– Ладно, – усмехнулся Лёнька, – Я эту кашу заварил, я и поведу.

– Перестань, вместе ковырялись и пропадать, если что, будем оба. Баранку крутим по очереди: вначале ты до деревни, а когда баб заберём, я сменю. А сейчас вздремну чуток.

Однако на выезде их ожидал неприятный сюрприз. Вахтёр Михалыч, напарник деда Ефима оказался дядькой несговорчивым. Он наотрез отказался открывать ворота и выпускать машину без путёвки. Более того, он подошёл к автобусу и потребовал поставить его на место.

– Да, брось! Отопри! – уговаривал его Лёнька, – Всю ночь ремонтировали! Надо же проверить его на ходу!

– Нельзя! Не положено! – Михалыч был неумолим – настоящий партиец старой закваски.

Вся затея на глазах начинала рушиться. А на что, собственно, они рассчитывали? На добродушие деда Ефима? Откуда только взялся этот Михалыч в самый неподходящий момент? До этого его и не видно было. Как сторожевой пёс! Так он никакую машину не выпустит. Не только автобус.

– Ну, ты же нас знаешь! – крикнул ему Володя. – Хочешь, мы расписку напишем?

– Не надо мне никакой вашей расписки! Не положено, говорю, и всё! Знаю я вас! Сейчас за воротами бензин себе в канистру сольёте или поснимаете что-нибудь! Нет уж. Дудки!

«Вот ведь пень старый! – подумал с досадой Рева. – С завгаром нашим, видать, из одной люльки!»

– А ты позвони Сергею Степанычу, – сказал Володе Лёнька, незаметно моргнув глазом, – Пусть сам ему скажет. Он спит сейчас, а спросонья ох, как рассердится!

– Что я буду его беспокоить? – старался подыграть Рева. – Товарищ Каблучков придёт сам в понедельник, и будет разбираться, почему не выполнили его указание.

– Как знаешь, а я пошёл в туалет.

Вахтёр занервничал:

– Меня никто не предупреждал! А ваш завгар мне не начальник!

Но, несмотря на сомнения, охватившие его, Михалыч отступить не собирался.

Володя продолжал:

– Да пойми ты: как он выпишет путёвку, если не знает наверняка, починят автобус или нет? Родственников его нужно к поезду отвезти рано утром. Он сам лично попросил. Какая тебе нахрен путёвка? Торчал бы я здесь? Оно мне надо?

Тот с недоверчивым видом молчал и упорно качал головой:

– Не знаю ничего. Никаких распоряжений не поступало. Звоните ему, если хотите. Пусть берёт это под свою ответственность.

Неожиданно прибежал Лёнька с ошалелым видом:

– В электрощитовой дым! Скорее! Где огнетушитель?

Несколько секунд Рева с Михалычем смотрели на него. Потом, как по команде, не говоря ни слова, помчались за ним. Володя побежал быстрее Михалыча, но Лёнька споткнулся и едва не упал ему под ноги, ухватившись за локоть Ревеня. Володя на бегу подхватил товарища, но вдруг Лёнька остановил его и крикнул:

– Беги за ведром и лопатой!

Рева бросился к пожарному щиту. Он схватил лопату с ведром и остановился. «В ведро же надо воды набрать! – мелькнула у него мысль. – Но тогда зачем лопата?» Тут его взгляд упал на красный деревянный ящик с надписью: «Песок». Лопатой он сбил с ящика замок и открыл его. Песок оказался слипшимся от дождя и твёрдым. Выкопав несколько комков, Володя побросал их в ведро.

– Ты ещё здесь? – подбежал к нему Лёнька. – Беги ворота открывать! Времени нет совсем!

– Какие ворота? А тушить?

– Балда! – воскликнул Мезенцев. – Я нарочно этот пожар придумал! Я просто так, что ли тебя за руку дёргал? А ты нёсся, как угорелый. Да брось ты эту лопату! Что вцепился в неё?

Рева бросил инструмент и устремился вслед за Лёнькой.

– А где Михалыч? – крикнул ему Володя, не останавливаясь.

Тот, не оглядываясь, махнул рукой:

– Я его там запер.

Рева открыл ворота, выпустил Лёньку на автобусе, затем разбудил спящего на кушетке деда Ефима.

– Дед Ефим, закрой дверь за мной, мы уходим.

– А Михалыч где? – недовольно спросил тот, протирая глаза.

– Наверное, по нужде отошёл.

– Да что же он туда зачастил? Весь сортир, небось, загадил? – ворчал дед. – Охота ведь вам будить старика! Подождали бы его.

Он стал одевать сапоги.

– Автобус сделали, что ль? – спросил он.

– Да, – сказал Володя, – Теперь выспаться надо. К свиданию нужно выглядеть отдохнувшим!

– Хе-хе! – засмеялся дед. – Правильно, Володька! Молодец!

Выбежав из проходной на улицу, Рева догнал ожидавший его неподалёку автобус и залез в него:

– Всё, погнали!

Володя улёгся на то же сиденье в салоне, на котором недавно спал, и попытался заснуть.

Глава 9

Спустя полчаса они подъехали к дому тётки-учительницы. Всё было тихо. Лёнька дал короткий сигнал, потом выскочил из автобуса и прошёл во двор. Небо начинало светлеть. Первые проблески утра слабо пробивались сквозь тёмную синеву облаков. Было уже почти шесть часов. Мезенцев постучал в окно, затем прильнул к нему вплотную лицом, пытаясь разглядеть хоть какое-то движение внутри.

Вдруг дверь открылась, и появились женщины, уже одетые и с сумками в руках. Они полушёпотом поздоровались с Лёнькой, и пошли за ним к автобусу.

Легкая дымка тумана окутывала безлюдные улицы. Через полчаса переулками доехали до морга. Дежурный узнал женщин, вероятно, с ним обговорили заранее столь ранний приезд.

Ленька разбудил заснувшего на заднем сиденье Володю.

– Пойдём, – тихо сказал он, – Гроб притащим.

Утренний холод прогнал сон. Когда все вновь залезли в автобус, Рева, как и договаривались, сел за руль. В церковь ехали молча. В Никольское приехали в начале восьмого. Батюшка уже был на месте. Но отпевать начал только после службы, которая длилась часа полтора.

Во время заупокойной Володя стоял в сторонке чуть сзади. Ленька остался в автобусе и, вероятно, спал. Вполуха Рева слушал молитвы священника, которые читались вполголоса, и были ему непонятны. Он не помнил, когда был в церкви в последний раз. Наверное, это было давно, в детстве. В памяти всплыл образ покойной матери. Ее не отпевали. А со времени похорон на ее могиле он и был то всего пару раз. «Вот каков ее единственный сын! – подумалось ему. – Но что ей теперь до моих посещений?» Хождение на кладбища казались ему какими-то старыми предрассудками ворчливых и вечно недовольных бабок. Они и ходили туда, наверно, только чтоб поглазеть друг на друга. По его мнению, многими из них двигала скорее не память к усопшим, а некая привычка, ритуальная обязанность навестить «почивших» родственников по праздникам лишь потому, что все так делали, и это было правильно, а почему и зачем – не их ума дело! А в то же самое время многие живые родственники оставались без внимания и участия с их стороны, хотя возможно и не всегда нуждались в нем. Обычно люди начинают вызывать жалость и сочувствие, когда они уже умерли, и это сочувствие им уже ни к чему. А пока были живы, терпели к себе совсем другое отношение. Сами ведь помрете когда-нибудь, старые лицемерки!

Его мысли прервал всхлип молодой девушки. «Вот ее, правда, жаль, – подумал Рева. – И паренька. Молодой ведь ещё, двадцати нет, наверно!» Это как-то не укладывалось в его голове. Ведь у него все только начиналось! Студент, будущий геолог! Впереди еще столько дорог, блестящих перспектив! И все в один миг рухнуло. Как будто затоптан на клумбе едва распустившийся бутон красивого цветка. А если б не он, лежать бы ему на этом месте! Почему же он, без семьи и образования, без особых перспектив остался жив?

Глаза его увлажнились и, дабы не выдать невольной слезы, Володя вышел на улицу и сел на скамейку. Достал сигарету по привычке.

– А вот курить здесь негоже, Володя, – вдруг раздался рядом чей-то голос.

Рева поднял голову и в недоумении разглядывал откуда-то возникшего старичка в подрыснике. Лицо его было ему незнакомо. Поэтому еще удивительнее было то, что тот назвал Володю по имени.

Маленький старичок с редющей седой бородкой и каким-то глубоким проникновенным взглядом добрых карих глаз понимающе покачал головой:

– Конечно, не помнишь меня. Я – отец Афанасий. Фамилия – Синицын. Родителей твоих знал я. А тебя – еще вот таким мальцом. Но и подростка уже помню, встречались. Отец-то как?

Рева опустил голову, не зная, что ответить.

– По-разному, – едва вымолвил он и закашлялся, будто поперхнулся.

Отец Афанасий присел рядом.

– Кашляет, да, болен, – озабоченно произнес он. – Ну, а ты?

Володя пожал плечами.

– Да, тоже по всякому, – со вздохом сказал Рева, – пока не кашляю.

Володину шутку тот, казалось, не расслышал или не понял.

– Каждый несёт свой крест, – смиренно склонил он голову.

Он показался Реве каким-то маленьким добрым беззащитным гномом. И тотчас ему стало жалко его, и совестно за свою шутку.

– Отец Афанасий, а зачем мертвых отпевают? – спросил Рева.

– Ну, как же? Просят Бога, чтобы он принял душу почившего.

– А дальше что?

– Суд Божий.

– То ли рай, то ли ад?

– Да, Володя.

– А если человек хороший был?

– Каждому по делам и по вере его воздастся.

– И ему говорят: «Мир тебе. Спи спокойно! Так?»

– Да, люди так говорят.

– Зачем?

Старик грустно улыбнулся, заметив непонимание собеседника:

– Ну, вот спишь ты, к примеру, и видишь сон приятный, красивый. Тебе хорошо так, спокойно, умиротворённо. И если разбудят тебя ото сна этого, с сожалением просыпаешься от того, что прервался сон этот твой. А если видишь кошмары ужасные, один другого хуже, ворочаешься, мучаешься, а проснуться не можешь. И пробуждение тебе, как избавление приходит от них. Так ведь примерно и здесь, только уже сон твой – вечный, а кошмар или покой – постоянные, и невероятно более ощутимые, нежели временные.

– Но ведь мертвецы не спят. И снов никаких не видят!

– Почём ты знаешь, Володя?

– Ну, не знаю. Учёные выяснили. Наверно.

– Учёные-учёные, – покачал головой отец Афанасий. – Когда-то все учёные уверены были, что земля вся на трёх китах зиждется⁴⁴. А потом были уверены, что вокруг неё солнце крутится.

– По-вашему выходит, что они и сейчас неправильно думают?

– Нет, я говорю не о земле конкретно, а о переменчивости взглядов в науке. Вот сделал кто-то открытие, и бывшие ранее теории уже под сомнение подпадают, а то и отменяются вовсе.

– Что ж теперь, и не верить?

– Верь, но верь разумно. Люди не видели, как земля на китах покоится. Но поверили учёным. Сказали учёные, что снов не видят усопшие – снова поверили на слово. А в Слово Божие не верят. А вера в Бога была неизменна. В церкви ничего не поменялось. Потому, что Истина неизменна.

– Скажите, отец, – вздохнув, произнес Володя, – как же так получается: вот был парень хороший, учился, стремился, радовался, надеялся и жить бы ему, да не тужить, а тут какая-то сволочь оборвала его жизнь!? Вот так, в один момент: раз – и нет человека! Почему? Разве это справедливо?

⁴⁴ «Зиждется» – основывается, стоит.

– Знаешь, – произнес отец Афанасий, понутив голову, – когда я был моложе, я не раз задавался вопросом: почему Господь подчас забирает лучших из нас? Самых любимых, самых добрых, отзывчивых, сердечных, милостивых? И даже младенцев!? Уж казалось бы: они-то в чём виноваты?

Он замолчал.

– И почему? – спросил Рева, не оборачиваясь.

– Мы считаем смерть страшным и неизбежным концом нашего существования. Люди всегда думали, что осуждая человека на казнь, отнимают у него самое главное. И все это по нашему маловерию и нашей ничтожности. Но Бог милостив. Он победил смерть. И в жизнь вечную, в вечную радость и блаженство забирает подчас лучших из нас раньше конца их земного срока. Как самых любимых и самых достойных.

– Но ведь все в итоге умирают, – усмехнулся Володя, – и хорошие, и плохие, и старые, и молодые. Все.

– Дело не в том, что все умирают, а в том, куда попадают. Я видел, как некоторые отходят тихо и мирно, почти незаметно. Легкий выдох и всё. А иные терзаются в агонии не один час, а бывает и не один день. Испытывают такие муки, что и не описать словами. Почему так? Не каждого Бог готов сразу принять. Принимает, в итоге всех, но участь их – различна. Мы выбираем здесь эту участь. Сами.

– А как насчет тех, кого убили? – не унимался Рева. – Или умерли от пыток? Или тех, кого казнили? Они ведь тоже не «тихо-мирно»! Совсем нелегко! Выходит, что им тоже без мучений никак?

– Выходит, что никак, – с тяжелым вздохом кивнул священник. – Если пострадали за правду, значит, оказались способны на большее, чем многие. Им и воздастся больше. Если безвинно приняли смерть от рук убийц, значит, и свою вину очистят.

– Получается, что если я своему врагу захочу отомстить, то я ему тем самым и добро сделаю? Ведь он так же пострадает, особенно, если погибнет!?

– Добро ты ему не сделаешь, а вот худо сотворишь для самого себя. Ты ведь уподобишься тем, кто совершает зло! С чего ты решил, что можешь судить его? А если он завтра раскается, или его настигнет страшная болезнь или смерть любимого человека? Если он осознает свою вину и будет сожалеть о содеянном? Если он спасет чью-то жизнь, рискуя своей, а может быть и не одну? А ты осудишь его, лишишь возможности помочь людям и даже спастись им, благодаря ему! Каков готовишь суд другому, таков будет и тебе! Ты не знаешь судеб других и не вправе ими распоряжаться!

– Что же теперь? И убийц не ловить? Преступников не сажать? Пусть, творят, что хотят? А суд им после смерти будет? И каков же суд этот? Не понимаю. Зачем тогда тюрьмы созданы? И правосудие вообще зачем?

– Оно и нужно, чтобы не было беззакония. Оно предостерегает человека от совершения зла. Но всегда находятся те, кого это не останавливает. Они знают, что творят и делают свой выбор осознанно. Конечно, случается иным избежать наказания. А других осуждают безвинно. Ну, и где справедливость?

– Вот именно! Где?

– Правосудие человеческое несовершенно. А воздаяние всяк получит на Суде Божьем! Там ничего не скроешь, и никто не скроется!

– Грешники в ад, – кивнул Володя с горькой ухмылкой. – Другие – в рай! Так?

Он покачал головой и тяжело вздохнул.

– Нельзя делить мир на людей плохих и хороших, – продолжал старик. – Человек поступает и худо, и добро. Он в постоянном выборе, в каждой встрече, в деле или в слове. Если укorenяется во зле, совершает чаще дурные поступки, то перестает замечать разницу. Он не чув-

ствует, что сделал что-то не так. Совесть его заглушена. А скверные навыки, они, как проказа, проникают через всего человека, становятся его сутью.

Рева пожал плечами, с грустным задумчивым взглядом глядя перед собой на землю.

– И что же? – произнес он. – Стал злодеем. Ему все нипочем. «Не поймали – и будь доволен!» Да если так рассуждать, то таких – пруд пруди! Все вокруг! Каждый день: один совет, другой прикарманит, третий обидит. И ходят, будто так надо. Потому что все так делают! А значит, и нет ничего зазорного! Чего стыдится, если у всех рыло в пуху? У одних больше, у других – меньше. Неважно. Кто считаться будет?

– Да, – горестно прошептал старик.

– А потом, – продолжал Рева, – помирает кто: поплакали, в трубы подудели, в землю закопали, стаканом помянули и забыли. Вот и жизнь прошла. А как жил? Что делал? Какую память оставил? Вот вопрос! А если человек хороший помирает, так его больше всех жалко. Видать, немного таких посреди нас.

– Господь мир сотворил. И только Ему ведомо, кто что содеял. Он откроется каждому по смерти и спросит за дела при жизни. А каково будет держать ответ перед Творцом? Делавшие добро и поступавшие по совести не умирают. Чистые сердцем и душой не погибают!

– Но таких нет! – почти воскликнул Володя. – Не бывает их!

– Есть! – возразил старик. – Да, мало, но есть! Они и сейчас посреди нас!

Рева с недоверием и недоумением посмотрел на отца Афанасия. Тот ответил ему кроткой улыбкой.

– Живы они, – спокойно и тихо произнес старик, – Мы их часто и живыми не замечаем, но они и после смерти с нами. Мы не видим, а вот младенцы бы увидели. Но только, как мы не разумеем иной раз слов их, так и око нечистое не может узреть чистоту. А перед смертью многие тоже видят. И духов темных, и ангелов.

– Это вы серьезно говорите? – спросил Рева. – А кого ж там отпевают сейчас?

– Тело оставил. Как скорлупку птенец. И теперь свободен.

– И как же теперь его близкие люди это переживут? Что для них, если он теперь – невидим? – с долей горького сарказма сказал Рева.

– Они страдают и печалются о нем. Это естественно для человека. Он ушел. Они остались. Ему теперь – благодать Божия, а им – испытание тяжкое утратой. Это мы, оставшиеся здесь, маемся. Значит, не готовы еще. Может, через многие скорби, лишения и болезни придётся пройти. Через очищение себя и жизни своей. Время нам еще дано для исправления, только надо не терять его напрасно.

Володя с досадой покачал головой, не веря своему собеседнику. Он не знал, чем возразить, хотя вопросы, наверняка, у него возникли, как нарастающий снежный ком. Тут вышла женщина из церкви и сказала, что служба закончилась и можно выносить покойника. Он встал, и уже хотел было пойти за Лёнкой, но вспомнил про старичка и обернулся:

– До свидания, отец Афанасий!

– Ступай, Володя. Господь с тобой.

Гроб с телом отнесли обратно в автобус. Рева сел за руль. Поехали на кладбище. Несмотря на усталость, парни донесли покойника до могилы. Скромная процессия из двух женщин, старушки с дедом и тех самых сестёр, Лиды с Дашей, сопровождала их.

«Вот и твоё последнее пристанище, брат! – пронеслись в голове Володи печальные мысли. – Лежишь теперь здесь. А ведь если б не ты – лежать мне самому! И ведь не знал ты меня. А может, и не думал, что так всё выйдет! Да что теперь гадать? Сиротой был, сиротой и помер. Сиротой оставил сестру свою. За что ж вам обоим участь такая? Эх, если есть справедливость на свете, то пусть душегубы пострадают крепко! А ты покойся с миром! Да будет с тобой, как говорит отец Афанасий! А иначе нет справедливости нигде!»

Могилу засыпали. Поставили крест. Лёнька и Рева в безмолвии стояли рядом, глядя на горку свежей земли и слушая плач женщин. Затем отвезли их назад в деревню. Обратного добрались без приключений. К счастью, нигде их ГАИчники не остановили. Рева пошёл на своё «спальное» место. Однако заснуть уже не мог. Чувствовал ли он удовлетворение? Он и сам не знал. «Конечно, хорошо, что мы им помогли, – думал Володя, – Но было бы лучше, если бы вообще никакая помощь не требовалась, и парень был бы жив и здоров». Мезенцев молчал, может, он думал, что Рева спит, а может, просто устал.

Лёнька беспокоился насчёт Михалыча. «Сейчас приедем, а там нас уже милиция караулит», – усмехался он про себя. Осторожно подъезжая к воротам, он не заметил пока ничего подозрительного. Володя вышел из автобуса и направился к проходной. Дед Ефим спал. Разбуженный стуком в окно, он отворил дверь и стал ругать постоянно пропадающего в сортире напарника. Он удивился, заметив автобус, но не сказал ни слова, лишь недовольно нахмурился и открыл ворота. Лёнька поставил автобус назад на то же место, как если бы его и не трогали вовсе. Володя стал снимать с него аккумулятор, позаимствованный им со своего самосвала. Когда он закончил, его позвал Мезенцев и с весёлым блеском в глазах, улыбаясь, повёл его к электрощитовой. В маленькое окошко они увидели Михалыча, спящего на стуле в обнимку с... огнетушителем! Едва сдерживаясь от смеха, они тихо открыли замок, заглянули внутрь и снова прикрыли дверь, оставив её незапертой.

Взошло солнце. День обещал быть ясным. Лёнька довез на мотоцикле Володю до его автобусной остановки.

– Надо бы ещё Ваське техпаспорт и ключи завести, – сказал с неохотой Мезенцев, – Но я так заколебался сегодня, что не поеду больше никуда.

Рева улыбнулся:

– Успеешь. Они ему всё равно ни к чему. Да он, наверняка, дрыхнет сейчас!

– Ладно, бывай!

Мотор мотоцикла затарахтел и Лёнька уехал. Володя пришёл домой, выпил чаю, лёг на кровать и провалился в глубокий сон.

Утром Володю разбудил стук в дверь.

– Володя! – раздался из коридора голос бабки-соседки, – Тебя спрашивают!

– Иду, – ответил он.

Она явно его не услышала и продолжала стучать. Он наскоро надел брюки и открыл дверь.

– Здрасьте.

– С утра уже докучают твои друзья, – недовольно покачала старуха головой.

Он вышел на лестничную площадку. Там стоял мальчуган лет восьми.

– Рева! – встревожено воскликнул он, – Фому порезали!

Свёрток

Глава 10

В больничной палате Володя с мрачным видом сидел на кровати рядом с койкой Сёмы. Тот, напротив, был в приподнятом настроении и пытался показать другу недавно наложенные повязки.

– Да лежи ты, дурья голова! – сердился Рева. – Что мне там смотреть? Я тебе – не доктор!

– Да, и правда, – сказал с заправским видом Фома, – царапина! Ножичком пырнуть и то нормально не умеют! Что за народ пошёл?!

Похоже, было, что он на самом деле очень гордился этой раной, которая прибавляла ему уважения среди других пацанов и гораздо большего авторитета, чем просто повеса и бездельник. Это чувство даже заглушало ноющую боль в боку и неприятное ощущение отходящего наркоза.

– Если бы пырнул, как надо, ты бы уже в морге прохлаждался, – серьёзно заметил Рева. – Ты на рожон⁴⁵ какого хрена полез?

– Не лез я, Вован! Просто так вышло!

– Как это «вышло»?!

– Хитрый попался, собака! Я близко не подходил. Не знаю, как он меня учуял!

– А чё ты за ним вообще увязался?

– Рева, он тебя спрашивал! Такие «кексы»⁴⁶ так просто здесь не ходят. Он – не местный! Я слышал, как он с одним пацаном базарил! Всё про тебя вынюхивал!

– Выходит, ты за меня впрягся, обалдуй!? – досадовал Володя.

– Нет, Вован. Этот хлыщ⁴⁷ – «казачок засланный»! Помнишь, я тебе говорил на той неделе, что эки просто так это дело не оставят! Подошлют дружков своих!

– Да перестань ты! Ерунда это всё!

Фома усмехнулся:

– Ты вот мне не веришь! А на кой, по-твоему, ему вдруг ты понадобился? А?

– Да мало ли? Тебе-то что?

– Ты совсем не сечёшь! – возмутился Сёма. – Если он мне «перо»⁴⁸ всадил, то и тебя искал не «Мадерой»⁴⁹ угощать.

Володя задумчиво почесал подбородок.

– А я сам за себя получил, – добавил с гордым видом Фома. – Мы вместе там были, в Никольском. Ухарю тому морду намылил я! Так что это за него мне...

– Ты говоришь, одет как щёголь, а сам на глаза особо не лезет!

– Ну, так, когда на дело идёшь надо поменьше «светиться», – сказал Сёма. – А вырядился чего? Да хрен его знает? Чтоб подумали будто фраер, а не «мокрушник»⁵⁰!

– М-да, – задумчиво произнёс Рева, – вряд ли он ещё раз сюда сунется. Или не скоро.

⁴⁵ Лезть «на рожон» означает идти навстречу явной опасности вопреки здравому смыслу.

⁴⁶ «Кексы», «кекс», «кент», «крендель», «перец», «чувак» – некое общее обозначение человека с пренебрежительным оттенком.

⁴⁷ «Хлыщ» – примерно, то же, что «кекс», но более негативно. Повеса, бездельник, щеголь, несерьезный человек.

⁴⁸ «Перо» (жарг.) – нож, кинжал, острый предмет, используемый, как холодное оружие.

⁴⁹ «Мадера» – портвейн крымский десертный, изначально – португальский (по названию острова Мадейра).

⁵⁰ «Мокрушник» – убийца, преступник, проливший кровь. «Мокрое» дело – убийство.

- Да не бойсь, Рева! Его харю⁵¹ наши теперь за версту усекут⁵²!
- А я и не боюсь. Мне бы самому, первым с ним пересечься бы!
- Только ты сам не выпендривайся! – заявил Фома с деловым видом. – Таких «героев» знаешь, в подворотне потом находят!
- Ладно тебе, лежи и не кашляй! – усмехнулся Володя. – Сам довыдывался...
- Я те говорю, – поспешил оправдаться Семен, – он уже в лесу меня учуял, пёс! За мостом, там место есть, тропинку далеко вперёд видно. А его и нет! Куда делся? Я – бегом. Потом встал, прислушался, в лесу ветка – хрусть! Я – туда. А он как-то позади меня оказался. Только оглянулся: а он – бац! Подлюка, уже «пером» мне в бок! Я вначале боли никакой не почувствовал. Только от неожиданности испугался чуть. Тут какие-то голоса с тропинки. А он меня толкнул, и драпать в лес!
- Вот голоса-то тебя, небось, и спасли!
- Да они чего? Прохожие! Сами в штаны наложили! Но хоть скорую вызвали!
- «Следак» приходил?
- Да, – отмахнулся Фома, – я сказал, что не запомнил рожи. Сами разберёмся, верно ведь!?
- Разбиральщик! – с иронией покачал головой Рева. – Много ль ты наразбираешься? Тебя он вокруг пальца обвёл. Слежку твою в момент расшифровал. А в лесу ветку или что там? Камень или сучок нарочно бросил в сторону, чтоб внимание привлечь, а сам, видать в сторонке за деревом притаился! Старый приёмчик! Даже в кино показывали! А ты клюнул!
- А я по кинам не хожу! – досадливо заявил Сёма.
- Как же! Не ходишь! А деньги на что у пацанов стреляешь? Или в окне кто на сеансе сидит?
- Ну, я! Ну и чё?
- Вот и ничё! Ходи и сиди в окне на сеансе, шпион, блин! Всяк лучше, чем в больничке с дыркой в боку лежать!
- Не-е, Рева, это ты мне не рассказывай! – закивал Сёма, прищурившись. – Я теперь для пацанов почти как герой киношный! Может, и вычислил меня этот «дятел», зато теперь это мне даже на руку! Уважать будут!
- Володя засмеялся.
- Ладно, пойду я, – сказал он. – Думал, ты подыхаешь тут. А ты себе дифирамбы распевашь! Пой, вон, медсёстрам! Глядишь, на тебя какая позарится! Хвастун!
- Да вали! Давай! Гляди только по сторонам, а то на соседнюю койку привезут! – ответил кореш взаимностью на любезность друга. – Хорошо бы не туда, откуда ногами вперёд...
- Рева поднялся:
- Да уймись ты! Не завидую я тебе! Не завидую! – сказал он с улыбкой.
- Завидуешь-завидуешь! – закивал Фома, подмигивая.
- Думай, как хочешь, балбес! В другой раз не приду к тебе!
- Придёшь-придёшь! Что я не знаю тебя? Только я не приму, пусть скажут, что сплю и всё!
- Апельсинов передам покислее, – сказал Володя, – скажу медсёстрам, что от Маньки косою! Будешь жрать, пока сам не пожелтеешь!
- Да я в тебя этими апельсинами сразу! С окна! – воскликнул, Фома, поддерживая шутовливое препирательство.
- Пупок развяжется! – засмеялся Володя. – Ладно, ухожу, надоело уже твою брехню слушать!

⁵¹ «Харя» (разг.) – морда, физиономия.

⁵² «Усекут» – засекут, т.е. заметят.

– Давай чеши⁵³! – крикнул вдогонку Сёма. – Мне тут кайфово! И кормёжка сытная!

Рева уже вышел в коридор, с улыбкой слушая вопли кореша. Да, Фома теперь может быть доволен. Для него уже всё позади. Пожалуй, и впрямь он приобрел некий авторитет среди салаг и сверстников. Но это ненадолго. Кем он был, тем и останется. И уже завтра ему этого будет мало. А через пару дней завоюет от скуки и будет ждать, когда снимут швы, чтобы вернуться в родной двор на Зелёновку и произвести впечатление своими рассказами.

Вечером возник шум на кухне. Бабки опять ругались и спорили. Но на этот раз к ним примешивался голос Инны. Володя направился в ванную и прислушался. Похоже, что на этот раз предметом раздора послужил потёкший кран в мойке. Мойкой пользовались все, поэтому бабки сетовали на то, что, дескать, в квартире три мужика, а наладить смеситель ни у кого руки не доходят.

– Вова, ты чаще других мужиков краном пользуешься, – прогнусавила старуха, заметив его, – Починил бы!

Очень хотелось ответить что-нибудь язвительное. Ну, ещё бы! Так говорит, будто в вину ему ставит! У Игорька жена есть, он посуду не моет. А отец в таком состоянии пребывает, что ему дела нет ни до какого крана. Выходит, будь сам Володя пьяницей или тунеядцем, к нему относились бы более снисходительно, чем сейчас?

– Я пользуюсь из необходимости, – сказал он.

– А мы? – удивлённо развела руками старуха. – По своей прихоти, что ли?

Спор этот был совершенно бесполезным. Раздувание мухи из слона на пустом месте. Володя это понял. Надо же бабкам выпустить пар, накопившийся после последней перебранки.

– Вы не волнуйтесь, – неожиданно улыбнулся им Володя, – Я посмотрю, в чём дело. Мне ведь не трудно. Вначале бы меня спросили, а вы сразу ругаться!

– Мы не ругаемся, Вова, но тебя тоже часто дома нет. А нам что делать, к кому обратиться? Сантехника вызывать? А когда он придёт?

Володя отключил воду, взял ключ и выкрутил кран-буксы. Понятно, что вода капала и до этого, и чтобы её полностью перекрыть, вентиль закручивали всё сильнее. Разъеденная ржавчиной резиновая прокладка, уже потеряла эластичность и лопнула от очередной нагрузки.

– Нужно вот такую прокладку найти, – сказал он. – Если ни у кого случайно её нет, придётся покупать. Впрочем, если вы найдёте хотя бы маленький кусок толстой резины, то из неё можно изготовить такую прокладку: вырезать по размеру, сделать шилом в середине дырку и готово!

Предложение Володи было воспринято с единодушным энтузиазмом. Вскоре в его распоряжение было предоставлено несколько разных по величине и назначению образцов резины. Таким образом, дело решилось просто. Рева подумал, что теперь-то старухи хоть на какое-то время перестанут косо смотреть на него и ворчать по поводу запаха сигаретного дыма на кухне, несмотря на то, что он всегда открывал окно, когда курил.

На следующий день Володя по пути на работу снова увидел ту самую девушку, которая ему приглянулась. Он уже в течение недели или больше не встречал её в автобусе. Ему показалось, что она тоже заметила его, но не подала вида, поэтому он не мог понять, какова была её реакция. В этот раз она выглядела ещё симпатичнее и интересней, чем прежде. Он невольно засмотрелся. Они стояли в разных концах салона автобуса, и, когда она случайно перевела взгляд в его сторону, их глаза встретились. Улыбка едва успела коснуться края его губ, как она тотчас снова уставилась в окно. И опять никакой реакции. Володя перестал смотреть на неё и задумался. «Хорошо было бы пройтись с ней вдвоём по берегу реки, – грезил

⁵³ «Чеши» (разг.) – уходи.

он, – обнять рукой за талию, а потом, где-нибудь под берёзкой, подальше от лишних глаз прошептать на ушко ласковые слова, заключить в крепкие объятия и поцеловать!»

Занятый приятными мыслями, он едва не проехал свою остановку. При выходе он бросил на неё взгляд и заметил, что она тоже смотрела на него, хотя почти сразу отвернулась. Это дало ему основание полагать, что она им заинтересовалась. Володю тут же охватило досадное чувство, смешанное с радостью от сделанного им открытия. «Надо подойти и познакомиться!» – подумал он. Но, обычно всегда уверенный в себе, он почему-то сделать это не решился и ругал себя за это. Его смущало присутствие других пассажиров, и он понимал, что и она, как ему показалось, девушка скромная и благовоспитанная, будет вести себя весьма сдержанно среди окружающих. «Значит надо доехать до её остановки, сойти вместе с ней, а затем подойти! – возникла у него мысль. – На улице это сделать проще. Никто не будет обращать на нас никакого внимания, ведь все спешат на работу!» В то же время он подумал, что она также спешит, как и другие, да и он сам! А если она ездит в Москву?

Впрочем, вскоре удача улыбнулась ему. Однажды, возвращаясь домой после работы, он слез с автобуса на своей остановке и увидел через дорогу свою незнакомку, идущую по тропинке в сквере по направлению к парку. Она была одна. Вряд ли представится ещё такая возможность, чтобы подойти к ней. Было бы непростительной глупостью с его стороны упустить этот шанс! Володя это понимал. Он перешёл улицу и направился вслед за ней. Тут он подумал, что же скажет ей, когда догонит? «Я вас видел в автобусе, давайте познакомимся»? Нет, слишком наивно и банально. На небольшой полянке недалеко от речки ему бросились в глаза жёлтые одуванчики. Он сорвал несколько штук и побежал в обход, чтобы встретить её, будто бы случайно.

Володя вышел на тропинку в том месте, где она ещё не могла успеть пройти. Он укрылся среди листвы деревьев, выбрав место, откуда удобно было наблюдать за проходящими мимо людьми, не обнаруживая своего присутствия, чтобы в нужный момент выйти. Он почувствовал, как сердце забилось в учащённом ритме. Однако прошла минута, затем другая. Никто не появлялся. «Странно, – подумал он, – она уже давно должна пройти здесь!» Ощущение неизвестности и уходящего времени заставили его волноваться. «Почему её всё нет? – недоумевал он. – Может, что-то случилось?» Володя вышел из своего укрытия и направился ей навстречу. Чем дальше он продвигался, тем больше понимал, что она и не проходила и не пройдёт мимо него. Неожиданная догадка словно пронзила его: незнакомка пошла другой дорогой! Он стремглав помчался туда, где тропинки расходились и, уже издали через поле заметил её силуэт, скрывающийся за поворотом. Досадуя на себя, он побежал следом. Поле он пересёк быстро, а дальше начинались гаражи. Володя перешёл с бега на торопливый шаг, озираясь по сторонам. Скорее всего, она направилась в парк. Он снова побежал. Вскоре перед ним открылся длинный участок тропинки, уходящей на подъём. Далее её скрывали свисающие ветки деревьев. Незнакомка исчезла! Всё ещё надеясь на то, что она не успела пройти достаточно далеко и скрыться с поля зрения, он помчался вперёд. «Но что, если она опять где-нибудь свернула? – в отчаянии подумал он. – Тогда, я её точно упустил!»

Володя спустился в небольшую низину перед подъёмом. Здесь тропинки расходились снова. Надо было выбирать, по какой из них идти. Он взбежал на пригорок, откуда хорошо было видно ту, которая вела к аттракционам. «Вряд ли она так далеко могла уйти, чтобы к этому времени исчезнуть за зданием клуба, – промелькнуло у него в голове. – Искать её там всё равно бесполезно. Значит, остаётся один вариант». Прямо через лес, наискосок он устремился на другую тропу.

Володя едва не упал в какую-то яму, перепрыгивал через пни и, наконец, продравшись сквозь кустарник, оказался на прямой асфальтированной дорожке. На ней он никого не увидел до того места, где она скрывалась за поворотом. Обернувшись в обратную сторону, он заметил двух девушек в нескольких шагах от себя, испуганно уставившихся на него. Они разговари-

вали, пока он не выпрыгнул из кустов с видом загнанной гончей. Володя едва не вздрогнул и растерялся. Одной из них была его незнакомка. Его присутствие здесь было для неё неожиданностью, а то, что она стояла тут не одна, явилось теперь препятствием для знакомства. Он смутился, сообразив, что выглядит несколько странно. Вначале он не знал, как поступить, затем снова огляделся по сторонам, будто в поисках кого-то. Но даже не очень прозорливый глаз случайного наблюдателя отметил бы, что его действия сейчас выглядят не естественно, а словно защитное средство для того, чтобы не показаться смешным или застигнутым врасплох. В подобных ситуациях люди ведут себя неестественно, пытаются скрыть свои намерения, но тем самым себя и выдают. Он очутился в очень неловком положении.

К счастью, из кустов по другую сторону дорожки вылезла Инна, поправляя дочке платье. Видимо, отводила её по нужде.

– Дядя Володя! – воскликнула Машка. – Ой, какие цветочки!

– Привет! – сказала Инна. – На свидание собрался?

Володя вспомнил про одуванчики в руке.

– Да, – весело ответил он, сообразив, что нужно быстро воспользоваться их появлением. – На свидание вот с этой красавицей!

Наклонившись, он отдал цветы Машке, которая запрыгала от радости.

– Мам, сплети мне веночек, а? – заверещала она.

Теперь всё вроде выглядело так, будто он искал именно их. Но Володя почувствовал на себе подозрительные взгляды девушек и понял, что его незнакомка догадалась о причине его появления здесь. Он не решился посмотреть на неё. Вместе со своими новыми спутниками он прошёл мимо. Его охватило неприятное ощущение, словно прочли его сокровенные мысли. Кажется, его состояние не ускользнуло и от глаз Инны, которая тактично молчала, пока они не удалились на значительное расстояние. Такие вещи женщины легко подмечают. Увидев на её лице характерную улыбку и озорной взгляд, он с досадой усмехнулся. Чувство уязвимости и даже стыда овладело им, как будто его только что застали голым в кустах.

Но спустя несколько минут прежняя невозмутимость и спокойствие вернулись к нему, словно трусливые друзья, покинувшие его в трудную минуту. Раньше с ними такого не случилось. Володя посмеялся про себя над своим глупым мальчишеским поведением и над своей застенчивостью. Теперь он посмотрел на это со стороны и обнаружил, что всё произошедшее – пустяки, которым не придают значения.

– Мам, у меня не получается! – воскликнула Машка. – Ну, сплети мне веночек!

– Придём домой – сплету, – ответила Инна. – Вон, дядю Володю попроси.

Последнюю фразу она сказала, хитро прищуривав глаза, но он, занятый своими мыслями, не обратил на это внимание и автоматически взял одуванчики из протянутых рук девочки. Володя подумал, решится ли он на ещё одну попытку знакомства, если подвернётся удобный случай, или оставит свою затею после сегодняшней неудачи? Какое у неё самой сложилось о нём мнение? Да и важно ли это теперь? Если бы он увидел её с другим парнем, зная точно, что они встречаются, то воспринял бы всё философски и без всякой зависти и сожаления. Размышляя над этим, он быстро сплёл веночек из одуванчиков и молча, без эмоций отдал его Машке. Цветов было мало, и веночек получился совсем маленький, но девочка прыгала от восторга. Инна с удивлением посмотрела на Володю.

– Ты у нас, оказывается, мастер на все руки, – сказала она. – Гляди-ка! И готовить он умеет, и кран починить, и даже венки плести! Какой завидный жених! Ну, что, Манюня, возьмём дядю Володю в папки?

Он вышел из состояния задумчивости, но не сразу понял, что она говорила, пропустив её слова мимо ушей. До него дошло лишь только то, что речь идёт о нём. Володя вопросительно взглянул на Инну.

– Да очнись ты! – воскликнула она. – Молчит, как замороженный! Всё в облаках летаешь? Скажи нам, где плести научился? Может, ты и вязать умеешь?

Он улыбнулся.

– В армии всему научат, – сказал он.

– И венки делать тоже? И шить, и вязать? Да у вас там не армия, а институт благородных девиц! Представляю: сидит на лужайке рота солдат, и все плетут друг другу венки из ромашек! Ой, ну, умора! Надо спросить Игорька, чем он там, на дежурствах занимается? Может, балльными танцами? Или музицирует на фортепьяно, а ещё лучше на арфе! – засмеялась Инна.

Володя вспомнил, как, будучи молодым солдатом, пришивал погоны и петлицы себе на шинель и китель. К тому же, в течение всей службы они ежедневно подшивали себе чистый подворотничок. Однажды один из дембелей выделил его из остальных за твёрдость характера и сметливый ум, и научил его плести аксельбанты на парадную форму. Володя Ревень оказался терпеливым и сообразительным учеником. После увольнения дембеля в запас, другие стали обращаться к нему с просьбами сделать аксельбант. Таким образом, он снискал себе почёт и уважение. Но на гражданке за отсутствием надобности его навыки стали понемногу забываться.

– Нам квартиру дают на базе, однокомнатную, – сказала Инна. – Игорьку, наконец-то, выделили. Теперь ему и на работу ближе ходить.

– О, это здорово! Так вот почему бабки расшумелись в последнее время! Они уже думают, кому ваша комната достанется? Мне что ли, из деревни привезти себе невесту? Местные девчонки в коммуналку не пойдут. А вообще жаль, что вы съезжаете. Придётся одному со старухами воевать.

– Мы тоже по тебе будем скучать, правда, Манюнь?

Инна потрепала дочке волосы и, оглянувшись назад, изменилась в лице. Володя вначале не заметил этой перемены. Через пять минут они дошли до автобусной остановки и перешли дорогу почти в том же месте, откуда он начал сегодня свою погоню за незнакомкой. Он обратил внимание, что Инна вдруг стала серьёзна и молчалива.

– Ой, слава Богу, отстал! – пробормотала Инна, обернувшись в очередной раз. Возможно, это вырвалось у неё произвольно, будто она говорила сама с собой, забыв о присутствии Володи.

– Кто? – спросил он, посмотрев в ту же сторону.

Он никого не увидел, кроме какого-то мужика торопливо идущего по тропинке в сквере по направлению к станции. Тот был едва различим отсюда, поскольку его скрывал кустарник, высаженный рядами по краям дорожки. Володя вопросительно посмотрел на Инну. Она продолжала идти, не ответив ему, и словно нарочно избегала его взгляда.

– Инна, кто это? – повторил он вопрос.

– А, тип один, – отмахнулась она, явно не желая говорить об этом.

– Тип один! – воскликнула Машка. – Мам, а кто такой «тип»?

– Сколько раз тебе объяснять: нельзя повторять за взрослыми! – раздражённо вспыхнула Инна.

«Может, это её тайный дыхатель? – мелькнула у него мысль. – Ну, дела! Вот так Инка! Зато теперь и я раскрыл твой маленький секрет!» Это его развеселило.

– Так, – сказал он, – выходит, не только я по кустам бегаю! У вас тоже есть поклонники?

– Мам, а поклонники – это те, которые поклоны делают, да?

– Я тебе сейчас всыплю! Ты почему меня не слушаешь? Что это такое? – пригрозила Инна любопытной Машутке и с укором посмотрела на Володю.

– О! Видать, дело серьёзное, – произнёс он. – Ладно, молчу.

Он понял, что совершил промах. С его стороны было бестактностью подшучивать над ней и пытаться выяснить что-то в присутствии дочери. Инна ведь ничего у него не выпрашивала про незнакомку!

Она заметила его смущение.

– Это не то, что ты думаешь, – сказала она.

– Почём ты знаешь, что я думаю?

Инна остановилась, воспользовавшись моментом, когда Машка отбежала в сторону, ковыряя прутиком в земле.

– Мы с Игорьком ходили смотреть новую квартиру, – тихо начала она, глядя Володе прямо в глаза, – Нам там всё понравилось. И детский сад в двух шагах, и ему в часть близко ходить. Мы уж обрадовались. Да не бывает добра без худа. Обратном идем – какой-то пьяный мужик пристал. Игорь его отпихивает, а тот, знай своё, лезет! Кое-как от него отвязались. А тут на днях я возвращалась от подруги за речкой, и пошла мимо пожарки через линию, думала срезать. А там такая темнота! Сумерки, а в зарослях уже и не видно ничего! Дома вроде стоят рядом, а пять шагов в сторону – уже потеряться можно! Фонари там горят через один, да и толку от них! «Ну, – думаю, – хоть в кустики присесть – никто не увидит!» Залезла я, огляделась: нет никого. А вот только чутьё, будто кто стоит рядом. Встаю, резко оборачиваюсь, и тут меня чуть инфаркт не схватил: стоит в трёх шагах позади меня мужик. Он, в-общем, своё хозяйство оголил и смотрит на меня очумело. Не знаю, что уж там он делал, а перепугалась я до смерти! Я как припустилась, а он за мной увязался, да ещё хохочет. Вокруг никого, да и его самого не вижу. Только бегу мимо пятиэтажек, где ещё фонари есть, а смех его из-за кустов слышу. Хоть бы один человек попался! Уже возле дома быта, там, где парикмахерская, огляделась – вроде отстал. А он передо мной, как из-под земли вырос! Опять всё себе оголил, смеётся и прыгает вокруг меня: «Вот я! Вот я!» «Господи! – думаю, – Конеч мне пришёл! Сейчас прибьёт!» Заорала от страха и бежать. Только он до самой Зелёновки от меня не отставал! Пришла домой, вся дрожу, Игорёк меня успокаивает, хотел уже бежать искать этого маньяка, да я не пустила. Страшно одной! А вдруг он его в подворотне зарежет? Что мне делать потом? Он, по-моему, псих!

– Ты его точно признала? – спросил серьёзно Володя. – Почему не сказала мне сразу? Я бы подстерёг его! Он решил бы, что ты одна, и наверняка бы к тебе полез!

– Вовка! Ты что? – воскликнула Инна. – И не думай связываться! Мне самой от страха не по себе, а ты ещё хочешь нас с Машкой как наживку для него оставить! Я и говорить-то не хочу при ней об этом!

– Да, верно, – сказал он. – Ладно, идите домой.

– А ты куда?

– Прогуляюсь немного.

Он махнул рукой и вскоре исчез за вагонами.

Глава 11

Уже смеркалось, когда Володя вышел со стороны станции к домам на посёлок им. Орджоникидзе, называемый «базой». Инна была права, впрочем, Володя и сам знал, что спрятаться здесь с наступлением темноты проще простого. Деревья и кусты, растущие во дворах домов и у подъездов, представляли собой великолепное убежище для того, кто замыслил неладное. Рева хорошо знал это место ещё с детства, когда он с приятелями любил тут похулиганить. По тропинке, ведущей от железной дороги, он вышел к углу пятиэтажки. Слева от него находился сквер, в глубине которого стоял столик со скамейками, где мужики «забивали козла»⁵⁴. Иногда стук фишек домино об столешницу был слышнее возгласов играющих. За сквером горели огни в окнах девятиэтажного дома, пожалуй, единственного высотного дома здесь. Возле него проходила узкая подъездная дорога с бордюрами. Она также обходила угол пятиэтажки, стоящей в ряд с тремя другими, и шла вдоль них, скрываясь вдаль во тьме. Фонари, горевшие над ней, освещали небольшое пространство вокруг. Их свет почти не проникал в заросли и становился совсем тусклым и зловещим во время тумана. Кроны деревьев нависали сверху тёмной завесой и отчасти загораживали собой верхние этажи домов от взора прохожего.

Впрочем, зарослями назвать эти дворы нельзя, поскольку днём они выглядели совершенно иначе. Их оживляли своим присутствием тётки, развешивающие бельё на столбах, мамы с колясками, дети, играющие в песочнице. Здесь было светло и уютно. Кусты шиповника и розы распускались цветами. Сверху казалось, что всё утопает в зелени и не видно, что творится внизу, лишь крыши домов выделяются отдельными островками.

Володя прошёл дальше к старому двухэтажному дому. Здесь всё погрузилось во мрак. Из какой-то квартиры сверху раздался звук бьющейся посуды и брань. У подъезда Рева заметил женщину с двумя детьми и пожилую тётку, которая качала головой и охала: «Да, что же это творится, а?» Она смотрела на открытое окно, откуда раздавался шум, затем обернулась к приближающемуся Володе, будто ожидая в нём участие. Женщина увела детей в соседний подъезд, а тётка, глядя на них, причитала: «Ах вы, сиротинушки! И нет ведь управы никакой на этих пьяниц!» Она с беспокойством снова посмотрела на окно. Во тьме возле подъезда Рева заметил огонёк чиркнувшей спички. Он подошёл ближе и разглядел невысокого мужичка преклонных лет.

– Огоньку не будет? – спросил у него Володя, доставая сигарету.

Мужичок дал ему прикурить. Рева молча затянулся, выпустил дым и спросил:

– Что за шум?

– Где? А, это! – тот закашлялся. – Да Витёк опять разбушевался! Видать, мало выпил, не пробрало! Он, это, жену свою гоняет. Как напьётся, так и пошла канитель! Сживёт он её со свету когда-нибудь! Почти каждый день колотит! Жалко уж бабу, чем она ему не угодила? Бывает, как заорёт посреди ночи, как резаная! И спать-то мешают!

– Что же она живёт с ним? – спросил Володя.

– Да кто его знает? Может, уйти боится. Отец её, с ними живёт, старый и больной. Куда с ним? Двое мальцов у ней, вот уж нелёгкая им досталась!

Тётка, услышавшая разговор подошла к ним.

– Да что там? – бойко воскликнула она, не скрывая возмущения. – Ночью, иной раз выгонит её из дома по пьяни вместе с детьми. А бывает, и сама с ними бежит из квартиры к соседям, боится, как бы всех не зарезал. Да, точно говорю: он, если что не так – сразу за нож хватается. Топор она от него уж спрятала. В ванной запиралась, а он дверь рубил. Милицию

⁵⁴ «Забивали козла» – играли в домино.

вызывали, так он при них тихий, мол, не было ничего, напраслину наводят, а выпить никому не возбраняется! Она с детьми молчит. Страшится, что он ещё пуще потом взбесится.

– А не чокнулся ли он, в самом деле, раз уж детей не жалеет? – поинтересовался Рева.

– И то верно! – оживился тётка. – Горячка у него! Видано ли, квартиру свою поджигать?

А то залезет на стол, зажжёт бумагу, скомканную колбасой, и орёт: «Гори, гори, моя звезда!». А потом бросает её в потолок. Раздевается догола и бегаёт по квартире! Срам-то какой!

– А ещё, – добавила она тише, – он по ночам по улице голым бегаёт!

Тётка хихикнула.

– Ну, это уж брехня! – важно сказал мужичок.

– Я вам правду говорю! – воскликнула она сердито и тотчас стала серьёзной.

В этот момент они увидели ту женщину, но уже без детей, которая торопливо вернулась в свой подъезд, стараясь не смотреть на присутствующих.

– Это она из-за отца, – сказал мужик. – Боится, Витька тестя приберёт. Тот и так уж в синяках.

Когда люди видят вопиющее безобразие, будь то драка или кража кошелька в автобусе, они, прежде всего, спешат оградить от него себя. Чувство самосохранения преобладает у многих над чувством коллективизма. Они, конечно, возмущаются, торопятся поделиться друг с другом эмоциями, словно ограждают себя этим от неприятностей. Но в минуты опасности прячут глаза, стараются скрыться или, по меньшей мере, наблюдать со стороны и не ввязываться в конфликт. Причём, многие понимают, коснись беда их самих, и они окажутся в одиночестве, и будут просить о помощи окружающих, видя лишь сочувствующие лица. В глубине души каждый негодует и жаждет справедливости, но кто же осмелится за неё бороться? Вот и оглядываются по сторонам: может, кто-то рискнёт?

Из окна раздался грохот и чей-то крик.

– Вот, опять началось!

Володя покачал головой: «Они стоят и смотрят! Вот ведь зрелище! А потом обсуждают, другим рассказывают. Бабе и так тошно! На глаза людям показаться стыдно, а помочь и некому! Зато, какие пересуды⁵⁵!»

Он направился в подъезд. Мужичок с тёткой остались стоять в ожидании того, что произойдёт дальше. Заинтригованные решительным видом молодого незнакомца, они с интересом смотрели на разворачивающийся перед ними спектакль. Завтра будет, о чём поговорить!

Володя поднялся на второй этаж и постучал в дверь квартиры.

– Кто там? – спросил женский голос.

– Милиция!

После некоторого замешательства дверь отворилась. На пороге стояла та самая женщина.

– Народная дружина. Что тут у вас происходит? – грозно спросил он. – Откуда такой шум и крики? Почему нарушаете спокойствие!

Воздействовать на неё таким образом не было нужды. И без того запуганная, она отошла в сторону, пропуская вперёд Володю. Он вошёл в коридор с пожелтевшими, исцарапанными и, местами оторванными, обоями на стенах. На кухне горел свет, и он направился прямо туда. Перед ним предстал до того убогий вид обстановки, что он ужаснулся, насколько грязно и бедно живут эти люди! Ржавый капающий кран в мойке торчал прямо из кирпичной кладки в стене! Штукатурка там осыпалась. Плита вся замаслена, засалена непонятно чем. Что-то, похожее на тумбочку, покосившись, стояло под тяжестью немытых кастрюль и сковородок вперемешку с банками с закваской. На полу в углу валяются детские игрушки, грязное одеяло и железная кружка. Потолок местами почернел от огня. И в этих условиях растут дети! У него в коммуналке намного чище и приятней!

⁵⁵ Пересуды – обсуждения, сплетни.

Но все эти мысли мимоходом пронеслись у него в голове. Посреди кухни, прямо на полу он увидел пьяного мужика в грязных тёмно-синих трико и майке. Тот лежал с закрытыми глазами и, кажется, спал. В руке он ещё держал пустой стакан, который выпал из ослабленных пальцев и закатился под стол. От этого звука он очнулся, его ввалившиеся глаза лишь едва приоткрылись, и он сделал попытку встать, но силы оставили его и почтенный Витёк, издав какое-то мыканье, вновь уронил голову на пол.

Володя с минуту стоял и смотрел на него. Мужик был худощав и узкоплеч. Волосы бледно-русого цвета беспорядочными прядями торчали во все стороны. Лицо было худым и небритым. Нижняя челюсть выдавалась вперёд.

– М-да, – сказал Рева, сморщив нос от запаха перегара, смешанного с вонью от давно немытого тела.

Он повернулся к тихо стоявшей в уголке женщине. Она теперь показалась ему ещё ниже ростом, чем на улице. Одета она была в поношенный зеленоватого цвета халат и накинутую сверху кофточку из объединенной молью тёмно-серой шерсти.

– И часто такое происходит? – спросил Володя.

Она молчала, прижавшись к дверному косяку, и тихо вытирала платком нос. Рева даже толком не видел её лица из-за спадавшей сверху копны волос.

– А на улицу он выбегает в таком состоянии?

Женщина неразборчиво пробормотала что-то, всхлипнула и, присев в уголке на стул, уткнувшись лицом в руки, тихо заплакала. Володе стало жаль её. В то же время он не знал, как помочь ей. Ему было неприятно, и он поспешил уйти, чтобы не стоять над душой у горемыки. Сейчас для него даже не имело значения, тот ли это был негодяй, что приставал к Инне, или нет. Теперь Рева сомневался, что алкоголик, пусть даже допившийся до белой горячки, бегал и терроризировал запоздалых женщин видом своих гениталий. Возможно, это делал какой-нибудь маньяк, который вряд ли слыл буяном и пьяницей на людях. Скорее, он был тихоней, придурковатым на вид, человеком незаметным и молчаливым. Вероятно, он разговаривает сам с собой, имеет безобидный вид, и его никто всерьёз не воспринимает, потому что с головой у него не всё в порядке.

Но алкаш, в мыслях Володи, был едва ли не хуже этого маньяка, который, к счастью, пока никого не изнасиловал и не убил. Пьяница ежедневно скандалил и бил своих домочадцев. Дети, лишённые нормального отца, зачастую лишались самого необходимого – еды и крова. Что впоследствии может получиться из них в будущем, если в детстве, кроме побоев и постоянного страха, они ничего не видели? Они могут пройти школу суровых законов уличной жизни, стать нормальными людьми, пусть даже с горьким опытом, или ожесточившимися преступниками. А могут, и вырасти теми самыми тихонями, которые лазят ночью по подворотням, вымещая засевавший с детства глубоко в подсознании страх и агрессию на беспечных прохожих. И если кого-то не убьют, то это будет, скорее, исключением из правила, чем правилом.

Выйдя из подъезда, Рева молча прошёл мимо тётки с её соседом по дому, не обращая внимания на их вопрошающие взгляды. Те не могли понять, что он сделал, чтобы утихомирить буяна, ведь ни криков, ни ругани не было слышно.

Рева пошёл мимо магазина через двор школы, но вскоре остановился и прислушался. Ему показалось, что он услышал странный шорох. Неожиданно выскочивший из темноты человек сбил его с ног и удрал, даже не остановившись. Володя тут же вскочил и помчался следом, но спустя каких-нибудь двадцать метров он уже не знал куда бежать. Снова стало тихо. Возможно, настоящий маньяк спрятался где-то рядом, в кустах, но где его искать? А что, если он уже успел смыться в лес? Хотя в этом не было необходимости. Места для укрытия и здесь было предостаточно, и ночная тьма способствовала этому. Володя пошёл дальше. Его охватило досадное чувство, что он упустил беглеца. Впрочем, не надо было забывать и об осторожности. Не исключено, что он наблюдает сейчас за своим преследователем, оценивая опасность

поимки. Убедившись, что Рева один, он может запросто напасть на него из-за угла! На крик о помощи вряд ли кто-то выйдет из дома в этот час. Помня об этом, Володя двигался вперёд, не торопясь и прислушиваясь, вглядываясь в тёмные углы и заросли. Так он прошёл вдоль пятиэтажки по подъездной дороге, которая примыкала к ещё одной, сворачивающей за старый кирпичный дом слева от него, а справа уходящей метров на пятьдесят до того места, где снова раздвигалась под светом фонаря. По обе стороны от неё стояли высокие деревья со свисающими сверху ветвями, образуя нечто вроде свода тоннеля. Там, из темноты виднелось заросшее здание старой котельной, за ней во мраке тупика находилась помойка.

Володя пошёл налево до поворота. Отсюда также просматривалась дорога в другую сторону, насколько это позволяла видимость. Всё было тихо. Рева решил выйти на проезжую часть у леса, чтобы убедиться, что там никого нет. К ней вела короткая тропинка через двор, упирающаяся в асфальтированную дорожку, идущую прямоком мимо старых домов и дворов, далеко растянувшуюся вдоль всей улицы с растущими по обе стороны кустами и деревьями. Не дойдя до неё, Володя остановился в тени ближайшего дома, фасад которого освещался придорожными фонарями. Он встал, чтобы опорожниться позади этого дома без опасения быть здесь увиденным даже из окон его квартир, поскольку здесь было темно.

Вдруг окно на втором этаже тихо открылось и, кажется, женщина незаметно выбросила что-то на улицу, просунув в проём лишь руку. Тотчас створки опять затворились. Володя стоял пару минут в ожидании, но больше ничего не происходило. Он заметил какое-то движение в соседнем окне, где горел свет. На задёрнутых занавесках перемещались тени. Похоже, что там находилось несколько человек. Были слабо слышны голоса, даже отдельные обрывки разговора, но слов нельзя было разобрать.

Володя подошёл к стене дома, пытаясь разглядеть что-нибудь на земле в том месте, куда должен был упасть выброшенный предмет. Случайно он наступил на что-то мягкое. Он поднял с земли небольшой свёрток, полиэтиленовый пакет, обтянутый резинкой. Отойдя чуть в сторону, к кустам он развернул пакет, в котором оказалась пачка новеньких двадцатипятирублёвых купюр! Сотня шуршащих фиолетовых ассигнаций – две с половиной тысячи! Володя никогда не держал в руках столько денег. Его зарплата составляла сто двадцать рублей с копейками. Он несколько минут смотрел на эти бумажки, слабо различимые во мгле и не мог поверить в то, что это происходит на самом деле. Однако вскоре эйфория уступила место тревожным мыслям. Он смотрел на то окно, откуда были выброшены деньги. Теперь и там горел свет. «Почему их выкинули? – задался он вопросом. – Может, они фальшивые?» Он подумал, что человек, бросивший их, вряд ли рассчитывал, что их кто-нибудь подберёт. Во всяком случае, он сделал это украдкой, тайком от тех, кто находился в другой комнате. Если кому-то они и были предназначены, то он до сих пор не появился.

Рева решил обойти дом. Двигаясь дальше по тропинке вдоль торца двухэтажного здания, он остановился за углом, заметив за кустами стоявший на обочине дороги напротив подъезда милицейский УАЗик! Кажется, в нём кто-то был. Затем послышались голоса приближающихся людей. Рева постарался скрыться в темноте. Из-за угла вышли два человека в форме. Они зашли за дом, переговариваясь о чём-то вполголоса, включили фонарик и стали ходить возле того места, куда упал свёрток.

Глава 12

Вскоре они ушли. Володя ждал, не выходя из укрытия, пока через десять минут они не уехали на своей машине. Он приблизился к углу дома, и едва успел выглянуть из-за него, как чуть не столкнулся с тёткой в халате, идущей из подъезда ему навстречу. Она озиралась по сторонам и, повернувшись к нему, отпрянула от неожиданности, положила правую руку на грудь. Пробормотав про себя какое-то ругательство, она с недовольным нахмуренным видом прошла мимо. Затем, не останавливаясь, оглянулась на него, смерив подозрительным взглядом, свернула за дом и исчезла в темноте. Рева последовал за ней. Заглянув за угол, он различил во тьме светлое пятно её халата. Она включила фонарик и стала обшаривать то самое место, куда упали деньги. По всей видимости, она же их и выбрасывала.

Неожиданно она заметила его присутствие и выключила фонарь.

– Эй! – негромко позвала она. – Ты что там делаешь?

Как ни странно, на этот вопрос у него не нашлось ответа. Тётка подошла ближе. Она вдруг догадалась, что он тут неспроста.

– Ты чего тут стоишь? – снова спросила она, испытующе глядя на него прищуренными глазами.

Он продолжал молча смотреть на неё.

– Ты что, оглох? Или язык проглотил? Я спрашиваю: чего ты тут делаешь?

– Просто стою, тебе-то что? – наконец сказал он.

– «Просто» – говоришь, – повторила она, усмехаясь и недоверчиво кивая головой. – Ну, конечно. И как давно?

– Да вот, только подошёл.

– Хватит сказки рассказывать! – язвительно сказала тётка. – Ты что-нибудь видел? А? Видел, я спрашиваю?

– Что видел? Где? – невозмутимо спросил он.

– Ты что, за дурочку меня принимаешь? Думаешь, меня можно обмануть? А ну, показывай карманы! – она с решительным видом подошла к нему.

– Эй, гражданочка, полегче! – воскликнул он. – Ты чего так со мной разговариваешь?

– Ах, тебе не нравится, как я с тобой говорю? – сказала она с издёвкой, будто перед ней качал права подросток. – Посмотрите, какой выискался? Ты, щегол, ещё возмущаться будешь! Я тебе повозмущаюсь! Я тебе такое устрою! На всю жизнь запомнишь!

– Ни фиги себе, угрозы! И без всякой причины! Что я тебе сделал?

– Выворачивай карманы! – злобно прорычала она.

Рева несколько секунд смотрел на неё в упор.

– Да пошла ты, знаешь куда! – сказал он, повернувшись, чтобы уйти.

Однако настырная тётка схватила его за плечо и резко развернула лицом к себе.

– Что ты сказал, козёл?

Володя собирался ответить в том же духе, но вдруг услышал сзади приближающиеся шаги. Он оглянулся назад. Из тени кустарника появился мужик зрелых лет высокого роста, одетый в тёмно коричневые брюки и пиджак, под которым виднелась светлая рубашка с расстёгнутым воротом.

– Так, что за возня? – спокойно произнёс он, подойдя к ним. Лица его Рева не разглядел из-за слабого освещения.

– Что? – повторил тот. – У нас тут воры объявились? Ты кто таков?

Появление незнакомца было неожиданностью. Вне всякого сомнения, он пришёл на помощь женщине. Но кто он был он сам? Сосед? Создавалось такое впечатление, что он

здесь неслучайно. Возможно, нарочно стоял где-то в кустах и наверняка всё слышал. Володя решил, что незнакомец с ней заодно.

– А ну-ка, покажи карманы, – мужик протянул к нему руки.

Володя отстранил их. Ситуация была неприятная. Его принуждали к унижительной процедуре, но бить пока никто не собирался. Несколько секунд он пребывал в нерешительности: дать мужику по морде – тогда начнётся драка, которая может закончиться не в его пользу; а убежать – означало признать себя виновным.

– Нет нужды меня обыскивать, – сказал он и, демонстративно вывернув карманы брюк, показал их с изнанки, ловко удерживая за края большими пальцами рук. – Если бы я что-то ваше взял, то вернул бы или давно уже свалил!

– Или вам это нужно? – спросил он, доставая из куртки засаленную трёшку и ключи от дома. – Извините, больше ничего нет! Хотите проверить?

По их лицам он понял, что они разочарованы.

– А вам, гражданочка, впредь так не следует кидаться на людей! – сказал Володя.

– Ты меня не учи! – отрезала она. – Чего здесь шляешься?

– Где хочу, там и шляюсь, и вы мне не указ!

– Ладно-ладно, ступай себе.

Рева чувствовал себя уязвлённым.

Между тем, он не стал ввязываться в ещё более унижительную перебранку, сопровождающуюся, как правило, взаимными оскорблениями. Он пошёл прочь, обуреваемый мрачными мыслями. «А вдруг это тот самый человек, для которого предназначались деньги?» – подумал он. – «Но почему же он не стоял под окном в условленном месте, а скрывался где-то в тени соседнего дома?»

Володя остановился и достал сигарету. Чиркнул спичкой и закурил. Затем он посмотрел назад, но не увидел на прежнем месте ни тётки, ни мужика. Рева прошёлся дальше вдоль кустов, ещё раз оглянулся и, забравшись в заросли, стал искать место, где спрятал деньги. К своему глубокому удивлению и крайнему огорчению, он их не нашёл, хотя обшарил всю землю под кустом! Он был абсолютно уверен, что положил их здесь до того, как увидел «ментов» с фонариками! Неужели их кто-то отыскал! Но как? Ведь вокруг никого не было. Впрочем, это ему только так казалось. Володю охватило чувство горькой досады. Надо было их сразу взять и уносить отсюда ноги! Найти и снова потерять гораздо хуже, чем не найти вовсе!

Как часто бывает в таких случаях, Володя даже не догадывался, что в тот самый момент, когда он всего лишь ради любопытства решил понаблюдать за тем, что происходит у дома и предусмотрительно спрятал пачку купюр, он принял почти судьбоносное решение. Оно не изменило его жизнь в лучшую сторону, но сохранило её, как таковую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.